

ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА 2016

ЕЛИЗАВЕТА
БУТА

АСЦЕНДЕНТ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ
ДИВЕРГЕНТА

Елизавета Михайловна Бута
Асцендент. Продолжение истории дивергента
Серия «Главная кинопремьера 2016»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18397936
Асцендент. Продолжение истории дивергента / Е. Бута: Алгоритм; Москва; 2016
ISBN 978-5-906842-98-5

Аннотация

Проект «Чикаго» провалился. Добро пожаловать в новый эксперимент.

Несколько бывших эрудитов и лихачей отважились создать свой идеальный мир. Они разработали программу, способную вычислить и скорректировать будущее человека. Выбора больше нет. Прошрое помноженное на ДНК рождает будущее. Судьба каждого человека подсчитана и скорректирована. В дивном новом мире по достижении 16 лет на тебя надевают браслет, в котором записана вся твоя жизнь. Изменить что-то больше не под силу человеку. Во всяком случае, так считали.

Рано или поздно должен было родиться человек, способный переписать правила игры. Ника Морган или Макс Линч. Кто-то из них развяжет войну, а кто-то научится изменять реальность и станет точкой восхода – Асцендентом.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елизавета Бута

Асцендент. Продолжение истории дивергента

Нередко, думая связать одни нити, человек связывает другие.
Виктор Гюго «Отверженные»

Никто не знает силы своих способностей, пока он не испытал их.
Джон Локк

Пролог

Мир недолго просуществовал без фракций. Поначалу все наслаждались свободой, а потом люди потихоньку стали возвращаться к привычному укладу жизни. Дивергентов больше не было, равно как и не стало теста на принадлежность к определенной фракции. Симуляции запретили. Теперь люди вынуждены были добровольно примыкать к одной из пяти вроде как несуществующих фракций.

Свобода отравила их. Страсть к недозволенному вошла в моду. А под запретом была только одна вещь – симуляции. На том же месте, что и когда-то, вновь открылся тату-салон. Внутри небольшой комнаты, стены которой были увешаны старыми эскизами татуировок, сидела девушка. Она до боли напоминала Тори. Тобиас долго собирался, чтобы прийти сюда. Он хотел сделать татуировку в память о той, что отдала жизнь за него, за них всех. Жертва оказалась напрасной, но признавать этого он не хотел. Бывший лихач ежедневно приходил к только что открывшемуся салону и подолгу наблюдал за тем, как работает мастер. То и дело начинало казаться, что в двери салона сейчас зашли его старые друзья или любимая девушка. Эти миражи казались слишком заманчивыми, чтобы отказаться от них.

Повсюду теперь стали открываться лавочки, организовывающие симуляции. Практически все неофиты боялись ошибиться с выбором фракции и хотели подпольно пройти тест. Самые нерешительные обычно следовали примеру родителей, а те, что посмелее, отправлялись в такие вот канторы. Вдобавок ко всему появились лихачи, жаждущие острых ощущений. Они хотели испытать себя.

Проект «Чикаго» провалился. Правительство окончательно махнуло рукой на тот хаос, в который превратился один из самых удачных экспериментов. Алекс Агарес был единственным человеком, которому все еще было интересно будущее города. Когда та смелая девушка устроила весь этот хаос, Алекс был за много тысяч километров от эпицентра событий. Он должен был вернуться к работе, но не успел. Возвращаться было уже некуда. Впрочем, его это не удивило. Агарес давно утратил эту способность. Удивление – удел молодых, а Алекс был уже слишком стар для этого нового дивного мира. Он помнил те времена, когда мир еще не был объят войнами и генетическими катастрофами. Во всяком случае, не настолько.

Агарес несколько раз поморгал и устало протер глаза, пытаясь отогнать от себя воспоминания. На экране монитора появилась фигура Тобиаса Итона. Тот наконец решился войти в двери тату-салона. Он поздоровался с девушкой и стал что-то рассказывать. Алекс Агарес и так прекрасно знал, зачем туда пришел Итон. Ученый убрал звук и откинулся на спинку обшарпанного кресла.

Все, что ему нужно, – дождаться нужного момента, чтобы вступить в игру. Он знал день и час, когда все начнется. Сейчас ему оставалось одно – ждать. Поскольку это весьма скучное

занятие, Агарес с нездоровым интересом принялся изучать останки Чикаго. На экранах он то и дело видел знакомые лица тех, за кем они наблюдали все эти годы, и тех, с кем он работал. Жители города-эксперимента с упоением наслаждались свободой, которую им подарила та смелая девушка. Агарес знал, куда их заведет эта свобода. К сожалению...

* * *

Спустя четыре года после того, как Чикаго утратил свой статус города-эксперимента, Алекс Агарес стоял перед новой стеной, обозначающей черту города. Тогда ее разрушили, а потом восстановили. В экологических целях, разумеется. Агарес нетерпеливо посмотрел на часы и поглубже вдохнул. Сейчас его бесконечно старые, утратившие всякое подобие цвета глаза светились азартом. Через несколько секунд начнется новая игра. Он уже знал, что победит. Ведь всегда выигрывает тот, кто придумал правила. Ему вспомнилось то, как в детстве он мог заранее просчитать, кто и когда победит за партией покера. Впоследствии его таланты приобрели куда более масштабный характер.

В этот момент раздался взрыв, и часть стены обрушилась. Все заволочло едким дымом. За оглушительным шумом последовал треск. Чудом удержавшиеся куски бетона падали и врезались в землю. Как и всегда бывает после взрыва, на мгновение воцарилась гнетущая тишина. Первым в образовавшемся проеме показался парень лет двадцати с небольшим. Он был одет в черные джинсы и водолазку такого же цвета. Из-под ворота выглядывали татуировки. Неудивительно, что он появился первым. Лихачи неисправимы.

Парень заметил стоящего перед ним Агареса и застыл. Он не знал, что делать. То ли бежать, то ли просить о помощи. Вдалеке послышались выстрелы. Все-таки пришлось стряхнуть с себя оцепенение и подойти к Агаресу.

– Томас Пирр, – парень протянул руку.

– Томас Пирр, так Томас Пирр, хорошо хоть не Шейлин Вудли, – пробормотал Агарес.

– Что? – не понял Пирр.

– Да ничего, актриса такая времен моей молодости, – пытаюсь заглушить грохот очередного обрушившегося куска бетона, прокричал Алекс.

В проеме показалась невзрачная девушка с брезгливо изогнутыми губами и пучком на голове. Ей помог выбраться чересчур худой парень с некрасивым, слишком грубым для эрудита лицом. Софи Рейвен и Руби Корса. Агарес четыре года за ними наблюдал. Вместе с Пирром они представляли собой взрывоопасную смесь. Интеллект, помноженный на бесстрашие и жажду власти. Софи и Руби помогли выбраться паре мальчишек лет десяти. Звуки выстрелов звучали уже угрожающе близко, а в проеме появлялись все новые люди. В общей сложности девять человек. Все эрудиты или дивергенты. Один Пирр из лихачей. Отчаявшиеся на побег беспомощно щурились, разглядывая то Агареса, то стоящий за ним вертолет.

Агарес с сомнением покосился на вертолет. Из этой компании его интересовали трое, остальные ему были не нужны. Мест на всех могло не хватить.

– Добро пожаловать в реальный мир, – прокричал Агарес. Его голос тонул в общем гуле. Звуки выстрелов стали чуть глуше. Чикаго играл в новую войну. Не стоило Эвелин возвращаться. Эта женщина начала новый раунд битвы за власть над городом. Результат этой войны даже Агаресу был больше не интересен.

Кучка перепуганных беглецов с ужасом озиралась по сторонам. Выжженная земля, безо всякого намека на растительность, и руины бывшего места работы Алекса Агареса – вот и все, что они видели. Беглецы, конечно, хотели спросить о том, кто такой Алекс и почему он их ждет, но времени на долгие беседы у них не было. Еще три минуты – и шансов на жизнь у них не будет. Агарес это знал, ну а эрудиты предполагали. Алекс шутливо отвесил

поклон и пригласил их в вертолет. Томас Пирр оглянулся на остальных. Девушка с пучком робко кивнула, и они первыми побежали к вертолету.

Когда они уже поднялись в воздух, парень, назвавшийся Томасом Пирром, все-таки решил поинтересоваться:

– Куда мы летим?

– Домой, – беспечно ответил Агарес.

– У нас больше нет дома, – хмыкнула строгая девушка с пучком, Софи Рейвен.

– Дом – это место, где вы нужны, вот мы туда и направляемся, – откликнулся Агарес.

Спустя несколько часов полета Алекс начал снижать высоту. В иллюминаторах показались едва заметные очертания самых высоких домов. Здания утопали в густом сером тумане. Постепенно их силуэты становились все отчетливее. Наконец самолет оказался на высоте чуть выше ста метров и стал кружить над крышей одного из зданий.

– Вы точно знаете, как приземляться? – прокричал Томас Пирр. Он практически все это время простоял в кабине пилота.

– Понятия не имею, – еще громче проорал Алекс.

Колеса шасси с грохотом ударились о крышу здания. Они продолжали по инерции ехать по крыше. Вертолет удалось остановить лишь в тот момент, когда посадочная полоса в виде крыши длинного высотного здания почти закончилась. Все тут же поспешили покинуть кабину. Томас Пирр обошел самолет и устался на шасси. Еще пара сантиметров – и они бы здесь не стояли.

– Тут совсем другое солнце, – сказал Руби, задумчиво разглядывая небо, усыпанное росчерками зарождающегося утра. Они стояли на крыше одного из самых высоких зданий острова и наблюдали за тем, как неестественно яркие лучи солнца постепенно окрашивают город в малиново-серые оттенки. Этот город несравнимо сильнее пострадал в войнах последнего века. Тут и там виднелись полуразрушенные небоскребы. Одни дома отделались легкой трещиной по всему своему бетонному телу, другие – лишились стены.

Софи Рейвен какое-то время стояла возле вертолета, не решаясь сделать даже шага вперед. Казалось, что если она его сделает, Чикаго навсегда исчезнет, а вместе с ним исчезнет и вся ее жизнь. Когда не знаешь, что делать, лучше всего сделать шаг вперед. Так говорила ее мать, выросшая в Лихачестве. Софи никогда не обладала и сотой долей ее смелости, поэтому девушка давно решила выбрать фракцию эрудитов. Потом не стало фракций, а в одной из подпольных лавочек девушка узнала о том, что она дивергент. В тот день Софи и познакомилась с Руби и Томасом. Так он, кажется, сказал. Новая жизнь – новое имя. Его девиз. Софи не хотела бежать из города, ей просто не оставили выбора. Она сделала первый шаг, а затем все-таки подошла к стоявшим на самом краю крыши Руби и Алексу Агаресу.

– Что теперь будет? – прошептала Софи, разглядывая руины чужого города.

– Никогда не спрашивай о том, что будет, Софи. Тебе могут ответить, – усмехнулся Алекс Агарес.

Вдалеке виднелся гигантский небоскреб. Узкий, как щепка, он каким-то чудом остался неподвластен времени и войнам. Весь созданный из стекол и железа, он буквально светился, отражая лучи утреннего солнца.

– Вот оттуда и начнем, – сказал Агарес.

– Вы объясните нам, что происходит, или нет? – взорвался самый старший член компании беглецов, Томас Пирр.

– Этому городу повезло меньше, чем вам, – ответил Агарес, подойдя к самому краю крыши. – Здесь людям стерли память. Часа полтора назад.

– Новый эксперимент, – то ли с ужасом, то ли с благоговением прошептала Софи Рейвен.

– А как же реальный мир? – хмыкнул мальчишка лет восьми.

– Ты видел реальный мир, – сказал Агарес. – Понравилось?

Тот помотал головой.

– Ну, так и на черта тебе такая реальность? – поинтересовался Агарес.

– Кто-нибудь знает, чем занимался центр исследований, курировавший проект «Чикаго»? – поинтересовался Агарес. Ответ он знал, поэтому продолжил, даже не потрудившись проследить за реакцией на лицах бывших эрудитов.

Если умножить ДНК на прошлое человека, что мы получим в результате? Будущее. Вернее, мы получим точный ответ на вопрос, как человек поступит в той или иной ситуации. А если известна ситуация? Тогда можно просчитать и будущее. Разработка программы «Кассандра» началась, когда сам Агарес был не старше мальчишки, который так хотел в реальный мир. Тогда все вокруг посчитали ее чем-то средним между бредом сумасшедшего и никому не нужным мусором вроде автоматической овощечистки с выходом в интернет. Войны требовали совсем других изобретений, но кому-то все-таки удалось добиться разрешения на открытие лаборатории.

Когда Агарес пришел работать в центр, программа «Касси», так ее ласково стали называть ученые, была уже разработана и отлажена на нескольких городах-экспериментах. Прошлое, помноженное на ДНК, рождает будущее. Применяя эту формулу, программа считала будущее любого количества людей. Агарес занимался разработкой модели нового общества, в котором больше не будет никаких социальных проблем. Все жизни будут подкорректированы, в соответствии с идеей Всеобщего Счастья и общественной пользы. Оставалось только одно – запустить ее.

– ...И сейчас для этого лучший момент, – заключил Агарес, с грустью разглядывая то, что осталось от его родного города. – Исходя из данных о вашем будущем, вы лучшие кандидаты для запуска программы. Я спрашиваю в первый и последний раз. Готовы ли вы создать новый дивный мир?

В лучах рассветного солнца изможденные и уставшие лица беглецов выглядели забавно. Они просто хотели скрыться от преследований, хотели начать все с чистого листа. Ничего больше. Сейчас у них просто не было выбора. Никто не хотел возвращаться назад. Пирр и Корса первыми решились кивнуть. Остальные последовали их примеру.

Агарес удовлетворенно усмехнулся и стал вглядываться в скрытые за туманом горы по окаемке города. Нужно было спуститься вниз и пройти к мерцающей бликами башне. Там, по плану города, должно было располагаться все необходимое для запуска программы по просчету будущего. Время было на исходе. Каждая минута, проведенная в бездействии, уменьшала шансы на успех. Но солнце продолжало величественно подниматься над новым миром. Туман, только что плотно скрывающий город, отступал. Вдалеке вырисовывались очертания гор. Руби, Софи, Томас и еще шестеро человек не в силах были сделать хотя бы шаг. Это была другая вселенная. Казалось, что даже дышать здесь нужно по-другому. Сейчас все вокруг казалось не более чем глупым, но чертовски красивым сном. Шансы на успех таяли с каждым новым лучом солнца.

– За работу, – заключил наконец Агарес. – У нас полчаса на запуск.

Он повернулся и тут же нашел люк, ведущий к лестнице. Здание тюрьмы, на которое они приземлились, было разгромлено. Все камеры открыты настежь. Повсюду валялся мусор. На стенах надписи. То и дело встречались подтеки бурого цвета. Томас Пирр сразу догадался, что это кровь. Когда они наткнулись на труп какого-то бородатого мужика, он ничуть не удивился. Он все это уже где-то видел.

Прогулка по коридорам тюрьмы отрезвила их. Это точно такой же город, с такими же людьми, как и везде. А у них есть все козыри на руках.

Они были готовы к тому, что увидели, выйдя на улицу. Тут и там – следы погромов. Кое-где все еще полыхали костры пожаров, виднелись обрывки каких-то полотен с лозунгами,

кое-где встречались раненные. Софи и Руби порывались им помочь, но Агарес пресекал все эти попытки. На это не было времени.

К башне, величественно возвышавшейся над городом, они добрались часа через два. Здесь была охрана. Трое хмурых парней чуть старше Руби с угрожающим видом двинулись на них.

– Все, кроме Руби и Пирра, исчезните, – прошипел Агарес. Руби Корса недоуменно посмотрел на него. Он явно драться не планировал, но, похоже, старик знал их лучше, чем они сами. Все, включая Агареса, исчезли за углом здания.

Один из охранников подошел к Томасу и протянул руку для захвата. Тот легко вывернулся и моментально уложил охранника на лопатки. Двое других тут же подскочили. Охранникам стерли память. Они понятия не имели, что должны делать. Но если чужаки бьют кого-то из своих, их надо остановить. Логика проста и понятна. Руби неожиданно для себя ударил одного из противников. Минут за пять это подобие драки завершилось безоговорочной победой.

Томас и Руби оглянулись и увидели, что все остальные уже идут к ним. Агарес одобрительно кивнул им и приказал подниматься на последний этаж.

Через несколько минут они вошли в огромный зал с купольной крышей. Сводчатые стены тут состояли из мерцающих и шипящих мониторов. Агарес тут же подошел к одному из компьютеров и начал загружать программу.

* * *

Им удалось. Прошрое, помноженное на ДНК, рождает будущее. Так просто. В их распоряжении были образцы ДНК всех жителей острова-эксперимента. Знание каждого следующего шага каждого из людей давало огромное преимущество. Единственное, чего не могла программа, – изменять будущее. Но корректировать изнутри никто не мешал. Всего за год они создали идеальный мир.

Они или программа? День за днем Алекс Агарес все чаще приходил к мысли, что это Касси их контролирует и направляет, а не наоборот. И все же этот мир поначалу со скрипом и грохотом все-таки пошел по своим рельсам.

Будущее каждого человека было прописано и просчитано. Все риски учтены и сведены к минимуму. Идеальная траектория. Единственно верная. К сожалению, даже в этом случае не все люди были одинаково счастливы.

Томас Пирр первым же делом загрузил в программу ДНК Руби, Софи, себя и остальных беглецов из Чикаго. Тем вечером он оказался в центре поддержки Касси один.

– Судьбы заданных элементов просчитаны, – раздался знакомый голос. Посреди комнаты появилось изображение той смелой девушки, разрушившей лучший из экспериментов.

– Ты можешь принять чью-нибудь еще внешность? – поморщился Томас Пирр. Языки пламени на его щеке были почти полностью скрыты. Не было больше людей, помнивших его прошлое. Осталась только Касси. Насмешка над той, кого он так любил.

– Касси всегда знает, кого хочет видеть контакт, – бесстрастно ответило изображение. После чего она распалась на карты будущего заданных людей. Томас не дольше пары минут изучал эти карты. На большее просто не хватило выдержки.

– Заблокировать данные, – приказал Пирр, еле сдерживая холодную ярость, которая, казалось, сейчас потопит его.

Пирр вышел из центра и тут же натолкнулся на безразличный, какой-то рыбий взгляд Агареса. Не зная, как оправдать свой потрясенный вид, Пирр решил начать расспрашивать Алекса о новой системе уровней. Придумка Касси была уже почти готова. Вскоре они должны были разделить людей по их интеллекту. Так, по расчетам, люди должны были

вплотную приблизиться к Всеобщему Счастью. Уловка сработала. Агарес моментально забыл о том, где встретил Пирра.

Оказавшись на вершине, перестаешь видеть людей. Они теряются в сумраке статистики. Очень скоро Алекс, Руби, Софи и Томас превратились в сервисы, поддерживающие систему под названием Касси. Мир требовал нового порядка и новых правил. Остров поделили на сектора, а людей на уровни. Томас Пирр упорно называл их сортами. В зависимости от коэффициента интеллекта человеку стали присваивать уровень. Введение новой системы повлекло за собой беспорядки. Их благополучно подавили, но проблема носила системный характер.

– Людям нужен выбор. Шанс изменить свою жизнь, – задумчиво проговорил Руби, изучая статистический отчет.

– Иллюзия выбора, ты хотел сказать, – поправил его Агарес.

– Как угодно, – откликнулся Руби.

Интеллект Руби Корса зашкаливал за грань разумного. Он был способен просчитать любую схему просто потому, что совершенно не понимал, почему все остальные видят в этих цифрах людей. Софи обладала тем же качеством, но с ней, в отличие от Руби, не должно было возникнуть проблем.

* * *

– До сих пор не верю, что мы все это создали, – пробормотал Томас Пирр.

Они устроили на крыше небоскреба своего рода зону отдыха. Алекс Агарес в своем неизменном безупречно-белом костюме стоял, опершись на бортик крыши. Томас Пирр и Софи сидели, прислонившись к противоположной стороне заграждения. Они безучастно наблюдали за тем, как Руби всеми силами пытался очаровать невероятно красивую девушку по имени Арника. Он познакомился с ней пару месяцев назад и с тех пор потерял все навыки логического мышления. Он вообще не мог говорить и думать ни о ком, кроме Арники.

Руби, со своим будто вырубленным из деревяшки лицом и сломанным в двух местах носом, рядом с Арникой смотрелся комично. Впрочем, девушку это не волновало. Она наслаждалась своим отражением в чужих глазах. Ее это отражение устраивало.

Агарес повернулся к ним лицом. Его глаза горели хищным огнем победителя. Он получил все, о чем мечтал. Они все это получили. Софи рефлекторно поежилась от этого взгляда и переключила свое внимание на Руби и Арнику. Томас протянул руку, чтобы обнять ее.

– Лучше не стоит, – резко ответила она.

– То есть ты хочешь сказать, что я настолько хуже Руби? – спросил он.

– Настолько, – серьезно ответила Софи. – Ты мертвый.

– Что? – поперхнулся Томас.

– Знаешь, я верю, что в каждом человеке есть нечто такое, что нельзя посчитать. Не самая важная его часть, вообще никому не нужная и едва заметная, но она есть. Она делает нас людьми. Но не всегда. У некоторых эта часть умерла. Ты такой. Ты просто формула. Прости, Томас, я не хотела...

– Все нормально. Ты права. Мне хочется верить, что эта часть в лучшем из миров. Сидит сейчас и наблюдает в старом кинотеатре за мной, – ответил он.

– Ты уверен, что новый закон об отношениях так нужен? – чуть помедлив, поинтересовалась Софи.

– Мы уже просчитали это. Все родители уродуют своих детей. Государство способно обеспечить детям равные условия существования. Так нужно. Я больше не хочу об этом говорить.

Томас и Софи вновь уставились на очаровательных Руби и Арнику. Корса почему-то выпустил из рук ладонь девушки и уставился на браслет. Техника на острове была развита намного лучше, Руби приходил в щенячий восторг от всех этих браслетов, заряжающихся от самого человека. Сейчас еле мерцающая проекция на его ладони явно выбила его из колеи. Корса что-то сказал Арнике. Девушка надула губки и с видом мировой обиды на лице направилась к выходу на лестницу. Руби расстроено посмотрел ей вслед, но побежал все-таки к Томасу и Софи.

Ничего не говоря, он молча развернул две проекции. Полотна с мигающими числами повисли в воздухе.

– Это значит... – прошептал Томас.

– ... Война, – закончил за него Руби.

– И дивергенты, – чуть не расхохотался Томас.

– Притом два.

– Асцендент и дисцендент, – тихо проговорил подошедший к ним Агарес

– Что?

– Точка восхода и точка заката, – пояснил Руби. Он и сам не знал, где слышал эти слова.

– Если их устранить, можно избежать войны? – поинтересовался Томас. Алекс Агарес покачал головой:

– Один – начало, другой – конец. Кто-то из них способен изменить правила игры, но, если их убить, проиграют все.

– Что тебя так веселит, а? – еле сдерживаясь, поинтересовался Томас.

– Потому что так всегда бывает. Покой означает смерть – закон природы. Кто-то из них найдет способ изменять будущее. То, чему мы так и не смогли научиться. По факту, это даже не люди, а программы. Нужно сделать так, чтобы они оказались на нашей стороне.

– Ника Морган или Макс Линч... Почему нельзя определить, кто из них кто? – полюбопытствовала Софи.

– Понятия не имею, но, судя по всему, они станут нашим последним шансом, – пробормотал Руби, изучая графики на проекции. Из-за слабого свечения браслета все эти графики отражались на его лице. Яркие светящиеся линии напоминали паутину.

Агарес тут же потерял всякое подобие улыбки на лице. Он подошел к бортику крыши и с силой ударил кулаком по бетонному ограждению.

– Почему ты так уверен, что они примут нашу сторону, их же нельзя посчитать? – поинтересовалась Софи.

– Ни в чем я не уверен, – отмахнулся Руби, разглядывая результаты подсчетов Касси.

– Мы с ними сыграем, – Агарес обернулся и одним движением стер проекции.

Глава 1

Через шестнадцать лет

Всем привет. Меня зовут Ника Морган. Я терпеть не могу историю, обязательные исповеди в Сеть всеобщего доверия и собственное будущее. Оно у меня, прямо скажем, сомнительное. Девяносто процентов на то, что стану какой-нибудь официанткой в заводской столовой. Пятый уровень производственного сектора. Здесь, знаете ли, никаких перспектив. Нет, конечно, во имя Всеобщего Счастья всем нам посчитают правильное будущее, но как-то эйфории от этого факта у себя не наблюдаю.

Новое кастовое общество было образовано восемнадцать лет назад. Благодаря ему Единое государство буквально по кирпичикам собрало разрушенный войной мир. О самой войне нам никогда не рассказывали, равно как и о том, что было до нее. Теперь будущее каждого человека посчитано и скорректировано согласно идее Всеобщего Счастья. Сферы деятельности человека разделены на уровни и сектора, которые образуют круг счастья. В сердце круга – власть. Это и есть первый уровень. Теперь государством управляют умнейшие люди мира, свободные от личных привязанностей и думающие только об общественном благе. Наверное... Нас так учили. Почти двадцать лет назад были запрещены браки и семьи. Государство взяло на себя все хлопоты по воспитанию детей. Никто больше ни к кому не привязывается. Личные отношения не приветствуются, хотя пока и не под запретом. По достижении шестнадцатилетия ты получаешь свою карту будущего, работу и обычно рекомендованный контакт на ближайший год. За ним выделяют новый. Бывает, что не выделяют, если из-за этого ты станешь меньше пользы приносить.

Мы с Максом весь день потратили на поиски подходящих деталей. Бродили по заброшенным домам и разгребали хлам. Если честно, это занятие доставляло массу удовольствия. Здесь можно было найти настоящие книги, старые, до ужаса смешные и цветастые наряды, технику странного вида и непонятного назначения. Да все, что угодно. Эти дома были брошены их обитателями задолго до нашего рождения. Ходить сюда строго запрещалось, но мы все еще имели статус детей. Еще пару недель можно нарушать любые законы и не бояться отправки в Тортур. Главная тюрьма находилась в другой части острова, в зловещем поведенческом секторе. О тюрьме ходили леденящие кровь легенды, которые подкреплялись одним простым фактом – оттуда еще никто и никогда не возвращался.

Разрушенные территории, по которым мы бродили, располагались на пятом уровне производственного сектора. Самая нищая часть острова. Здесь на каждом свободном квадрате площади располагались заводы. Производили все, что только можно. Шестнадцатичасовой рабочий день лишал всяких сил. Лицеи были своего рода оазисами свободы. Там водилась какая-никакая еда, и здания были более или менее пригодными для жизни. А еще у воспитанников была такая удивительная роскошь, как свободное время, которое большинство из нас тратило на такие вот вылазки в заброшенные территории.

Найденный хлам можно было продать за еду, одежду и тому подобные бонусы. Через две недели мы должны будем покинуть лицей, пройти тест на интеллект и получить свою карту будущего. Мы набрали на очередную квартиру, которую давно оставили люди. Здесь было очень много старой техники, книг и пыли. Судя по всему, сюда еще никто из воспитанников лицея не добирался. Странно. Линч взял из стопки первую попавшуюся брошюру и раскрыл ее на середине:

– «Если ты приручишь меня, мы будем нужны друг другу. Для меня ты станешь единственным во всем мире. И для тебя я стану единственным во всем мире», – сказал Лис Маленькому Принцу...». Забавно, – усмехнулся Макс, – Ну что, Ника, мы приручили друг друга?

– Иди к черту, – поморщилась я и ушла в другой конец комнаты. Минут пятнадцать я молча разгребала завалы хлама.

– Как думаешь, какого мы уровня? – спустя какое-то время поинтересовалась я.

– Первого, конечно, – усмехнулся Макс. – Мы рождены, чтобы управлять людишками.

Я запустила в него толстенной книгой, очень кстати подвернувшейся под руку. Фраза Линча прозвучала очень глупо. Людей первого уровня от силы сотня наберется. Второго уровня, они в основном в науке задействованы, тоже немного. Но на третий уровень рассчитывать было уже можно. Хотя это и самонадеянно. Обычно люди получают тот уровень, на котором выросли.

– А если мы окажемся в разных уровнях и секторах? – жалобно поинтересовалась я, когда мы закончили кидаться друг в друга разным хламом и снова взялись за поиски пригодных для продажи деталей.

– Тогда я позабочусь о старом Вассаго, а ты там на первом уровне похлопочешь за нас, – ответил Макс.

Это еще больше расстроило. Старый дед Вассаго всегда выручал нас, да и глупого Бранти тоже. Вот уже шестнадцать лет подряд. Недавно Вассаго сломал ногу, а в условиях производственного сектора и, учитывая его возраст, это означало очень скорую смерть. От голода. Собственно, именно из-за них с Бранти мы с Максом вот уже второй месяц подряд, как оголтелые, шатались по заброшенным домам в поисках ценных находок. Мы хотели купить им еды и оставить побольше товаров, чтобы хватило, пока дед не поправится.

Будущее Бранти волновало еще больше. Не всем в Новом обществе нашлось свое место. Некоторые были слишком... глупы и бесполезны. Бранти был из числа таких. Это сразу было понятно, как только он появился в лицее. Ему было тринадцать. На пару месяцев младше нас с Максом. Уже не помню, почему Бранти перевели к нам. Над ним все посмеивались, и мы с Максом в том числе.

В тот день я и Линч нашли своего первого клиента. Бранти зачем-то увязался за нами. Мужчина хотел снять с себя проекционный браслет. Согласно карте его будущего через год он должен был преступить черту закона. Таких людей государство утилизировало до момента свершения первого преступления. Именно поэтому многие хотели снять с себя браслеты и тем самым выгадать себе пару-тройку лет жизни вне закона. Линч отлично ладил с техникой. Мы досконально изучили эти браслеты и сейчас хотели попытаться снять один такой. Для этого нужно было очень аккуратно отсоединить его от кровеносной системы человека. Если бы получилось, это могло бы сделать нас богачами. Мало того, что мужчина обещал заплатить огромную для нас сумму, так еще можно было бы продать браслет, если он останется цел. Мы почти закончили, когда из-за угла показался наш куратор. Заметив что-то подозрительное, он направился к нам.

– Бежим, – шепнул мне Линч.

Я оглянулась на Бранти. Тот поднял руки вверх и вышел навстречу куратору, тем самым закрыв нас от него. Линч дернул меня за руку, и мы успели спрятаться за углом, оставив того мужчину и Бранти разбираться с надзирателем.

– Как тебе это удалось? – послышался грубый голос куратора. Я живо представила себе, как куратор трясет перед Бранти снятым браслетом.

– Хотел попробовать, – беспечно отозвался Бранти, – как-то получилось. Теперь вот хотел вам показать...

Этот случай навсегда сделал нас с Бранти лучшими друзьями. Для того мужчины все обернулось плачевно. Его все-таки утилизировали, а вот Бранти заслужил уважение куратора. Он доказал ему, что не такой уж и debil, раз умудрился отсоединить браслет.

– Зачем ты это сделал? – мы с Максом набросились на него, как только куратор скрылся из вида.

– Вы умные, у вас хорошее будущее, а мне все равно терять нечего, – беспечно сказал он. У меня от этой фразы комок в горле появился. Возможно, Бранти и не был особенно умен, но он совершенно точно мог принести пользу обществу. Он был достоин жить. Оставалось надеяться на то, что программа «Касси» посчитает также.

Все шло хорошо. И вот сейчас нам исполняется шестнадцать. Не знаю, хочу ли я попасть на какой-нибудь третий уровень. Тогда Вассаго и Бранти окажутся предоставлены сами себе. А скоро Бранти пройдет тест. Если программа не найдет ему достойного применения, его просто утилизируют. Я поежилась.

– О тесте думаешь? – сочувственно поинтересовался Линч. Я помотала головой и сделала вид, что сосредоточена на какой-то коробке. – Ника, давай пообещаем друг другу, что не будем искать встреч после теста. Даже если окажемся на одном уровне, нам не разрешат общаться, – безжалостно продолжал Линч. До этого мы предпочитали не вспоминать об этом.

– Придумаем что-нибудь, – отмахнулась я.

– Но не сразу. Это слишком опасно. Все наши игры с законом рано или поздно закончатся. Лучше их закончим мы, чем это сделают за нас.

– Прекрати. Мы всегда что-нибудь придумывали, – не выдержала я. Линч все-таки потребовал с меня обещание не заигрывать с законом.

Спустя пару часов мы вышли из этой квартиры до предела загруженные товарами. Покупатель пообещал сегодня привести клиента. Учитывая количество товара, можно было надеяться на то, что все-таки удастся помочь старому Вассаго.

Мы сразу увидели возле кирпичной стены сектора двух мужчин. Наш постоянный покупатель, мужчина лет тридцати, из военного сектора, с выцветшими глазами, помахал нам рукой. Рядом с ним стоял худощавый парень в каком-то тряпье. Он явно нервничал. Ходил из стороны в сторону и не выпускал изо рта сигарету.

– Что так долго? – недовольно поинтересовался покупатель. Его имени мы не знали. Лишняя информация никому не на пользу. Судя по метке на руке клиента, он был третьего уровня, тоже военный. Информации более чем достаточно.

– Так вышло, – ответил Макс.

– Давайте за дело, юные гении, – скомандовал мужчина третьего уровня. Я про себя отметила, что на его метке значилось 163 балла интеллекта. А снять браслет не способен... Может, и повезет оказаться в элите.

Я никогда не понимала этих странных людей, желающих снять свой браслет. Модифицировать – понятно зачем, а так глупо протестовать против власти? Зачем? Все равно ведь окажутся за решеткой или будут утилизированы. Изменить свое будущее никому не под силу. Впрочем, какая разница? Флаг им в руки. Главное, мужчина сейчас заплатит за эту маленькую услугу. Я достала лезвие, допотопный прототип скальпеля, и протерла его салфеткой. Сделала небольшой надрез и повернулась к Макс. Тот кивнул и набрал пару комбинаций. Браслет противно запищал. Я аккуратно потянула его на себя. Из запястья владельца показались два тонких, едва заметных провода. Через мгновение браслет был уже снят. За спиной раздался громкий хлопок. Затем еще один. В воздухе запахло жженым порохом. Мы не сразу сообразили, что произошло. Тощий парень вдруг откинулся к стене и рухнул, словно мешок мусора. Похолодев от ужаса, я обернулась.

– Гасион Бал, поведенческий сектор, второй уровень, отдел контроля поведения, – представился парень, немногим нас старше. Его лицо не выражало никаких эмоций. Одет он был в черную кожаную куртку и черные джинсы. Мог бы и не представляться. Черная одежда – метка поведенческого сектора. Они практически никогда другой цвет не носят.

– Штатный киллер, – нагло хмыкнул Макс и помахал чистым запястьем. – Не имеешь права, мы дети.

– Да мне плевать. Был бы приказ. Валите отсюда, пока я добрый.

– Почему... почему нельзя было их арестовать?! – возмутилась я.

– Потому что по карте его мозга, начиная с этого дня, они представляли государственную угрозу, – спокойно пояснил Гасион Бал. – Всего хорошего.

Макс взял меня за локоть и слегка подтолкнул. Я еще какое-то время неотрывно смотрела на «штатного киллера», как его только что обозвал Макс, но потом все-таки пошла за Линчем. Вернулись в лицей мы поздно вечером.

– Нужно заполнить лист, – пробормотал Макс, когда мы подходили к черному входу лицея. Я бессильно уселась на ступеньку и включила проекцию, предоставив Линчу возможность заполнить лист всеобщего доверия. Каждый должен был ежедневно делиться с государством своими сокровенными мыслями. Это считалось добровольным жестом, но если несколько дней не вести дневник, тебя направят на психиатрическое освидетельствование. Ну а дальше уже, скорее всего, в Тортур как потенциального преступника, в лучшем случае просто сумасшедшим признают.

– Что писать? – поинтересовался Макс.

– Не знаю, напиши о том, как я ежика в лесу встретила.

– Ничего, что ты восьмой день подряд ежей встречаешь? Мне кажется, что скоро тебе придет ответ со второго уровня: «Ежик сдох, дура».

– Ну и что? Не запрещено. Имею полное право встречать ежей любое количество раз.

– В одном и том же лесу, на одной и той же поляне?

– Имею право, – повторила я.

Глава 2

– Добро пожаловать в центр исследований «Силенциум», – возвестил громкоговоритель. После чего послышался грохот опускающейся двери. В момент, когда она почти коснулась пола, мне пришлось подавить в себе желание сбежать. Свойство человеческой природы... Когда дверь закрывается, хочется оказаться на свободе. Пора бы уже начать запоминать поведенческие законы. Мне слишком повезло, чтобы терять время впустую.

Нас приветствовал Томас Пирр. Один из трех людей первого уровня, возглавляющих поведенческий сектор. Худой мужчина лет сорока в белом костюме, который ему совершенно не шел. Все люди первого уровня носили белое. Считалось, что это символизирует отсутствие каких-либо личных интересов. Они слишком умные, чтобы их иметь. Весь он был олицетворением силы, власти и какого-то вселенского спокойствия. За его спиной и возле каждой стены стояли операторы, снимающие новостной блок о новоприбывших в поведенческий сектор. Пирр вдруг зачем-то отвернулся, и я с удивлением увидела выглядывающие из-под глухого ворота татуировки. Ну надо же. Даже он, существо высшего сорта, когда-то был человеком.

Я скосила глаза в сторону и увидела Макса, который с таким же благоговейным трепетом слушал одного из трех руководителей сектора анализа и контроля поведения Томаса Пирра.

Кроме Макса, у меня здесь не было знакомых. Из лица 21, уровень 5, только мы попали сюда. Прошли тест IQ, по результату которого нас определили на второй уровень поведенческого сектора.

– ...Вы уже прошли тест на интеллект, сегодня вы получите свои карты будущего, метки и новые браслеты. Не важно, откуда вы сюда поступили, – Пирр вперился в меня своим цепким взглядом. По всем правилам нужно было отвести глаза. Черт. Нужно было опустить голову... – Теперь вы люди второго уровня, – продолжил он. Ненужную паузу в речи заметила, похоже, только я. Или просто показалось, что была пауза? – Второй уровень поведенческого сектора занимается наукой и общественным благоустройством. Вы будете определять, что нужно покупать, что есть, как одеваться, о чем думать. Если уж в глобальном смысле. Вершиной нашего развития, системой просчета будущего и корректировки судеб, достойны заниматься немногие. Чтобы исключить возможность ошибки, мы решили провести повторный тест, – по рядам пробежал тихий шелест недовольных голосов.

– Не проще сказать, у кого здесь высший балл, да и все? – парень, стоявший рядом со мной, решился озвучить мнение большинства. Операторы тут же повернулись в его сторону и стали снимать его испуганную физиономию крупным планом. На его бейджике было написано «Синто Хейз». Забавное имя. Второй уровень химического сектора, судя по синей одежде.

– Имя? – с неизменно безгловым выражением лица поинтересовался Томас Пирр. Парень представился. Пирр удовлетворенно кивнул и продолжил свою речь. Суть ее сводилась к тому, что всего несколько человек станут сотрудниками центра поддержки «Касси», остальные будут так, полы подметать да вопросами моды заведовать.

– ...Вашим непосредственным руководителем отныне будет Алекс Агарес, – подытожил Пирр. Тут к нам вышел вековечный старец. Агаресу было, по меньшей мере, лет семьдесят. На лице его не читалось ничего, кроме скуки. Глубокие морщины рассыпались от уголков его глаз. Бледная кожа на фоне белой одежды первого уровня смотрелась болезненно. В отличие от Пирра он обладал куда более зловещей славой. Алекс Агарес занимался центром поддержки Касси. Именно он решал, кому умереть, кому отправиться в Тортур, а кому жить

с миром и своими мелкими, никому не интересными преступлениями. Алекс Агарес обвел всех присутствующих цепким взглядом и жестом приказал следовать за ним.

Я подождала, пока основная часть народа пройдет, нашла глазами Макса, кивнула ему и поспешила догнать остальных. В зале осталось несколько операторов, уже выключивших свои камеры и намеревавшихся поскорее убраться из этого слишком мрачного места.

– Что ты ему сделала? – прошипел мне на ухо Макс.

– Кому? – таким же злым шепотом поинтересовалась я.

– Пирру. Он всю речь тебя взглядом буравил, такое ощущение, что убить хотел.

– Может, потому, что я слишком умная?

– Вряд ли.

– Серьезно. 174 балла. Я попросила определить на второй уровень.

– Но это же показатель первого, – Макс был так шокирован, что даже остановился.

Идущий следом за нами Синто смешно врезался в него. Парень зло чертыхнулся и обошел Линча.

– Мы имеем право просить понижение уровня. Здесь я добьюсь большего, – ответила я.

– Дура, – заключил Макс. – Первый уровень – это власть. Ты могла попытаться... изменить все.

– У тебя 173 балла, Линч. Невелика разница.

– Это другое, – тут же запротестовал он.

Колонна остановилась. Мы оказались в последнем ряду. Рост мне никак не позволял видеть то, что происходило впереди, оставалось только слушать бесцветный голос Агареса. Он сообщил, что сейчас все пройдут тест на понимание поведенческих законов. Как можно понимать то, что никогда даже не изучала, не понимаю. С другой стороны, все остальные здесь тоже ни черта не понимают. Да у нас с Максом был самый плохой из возможных лицеев. Среди всех присутствующих я нашла только пару человек третьего уровня, остальные все со второго и первого. Мы с Максом с пятого. С другой стороны, у нас максимально возможный интеллект. Отличный бонус.

Алекс Агарес провел браслетом по идентификатору входа, и двери в гигантский зал открылись. Все стены здесь были из материала, имитирующего стекло. Сквозь гигантские панорамные окна, разделенные тонкими черными линиями, виднелось все величие острова. Из-за нехарактерной для здешних мест солнечной погоды можно было даже разглядеть очертания гор по окаемке города. Проекция, но очень похожие на реальность.

По всему пространству зала на равных расстояниях друг от друга были установлены кресла, возле которых лежали проекционные очки. Так у каждого будет своя проекция и свои иллюзии, подсмотреть невозможно. Задачи формируются исходя из баллов и карты мозга. Точно так же, как в тесте на интеллект, ничего нового.

– Удачи, – бросил Агарес напоследок. Он посмотрел на нас и чересчур быстро вышел. Я оглядела присутствующих и стала ждать, когда кто-нибудь пойдет к креслу. Остальные ждали того же.

– Морган, пойдем, займем лучшие места в партере, – хмыкнул Макс и стремительно двинулся к креслу, расположенному прямо возле прозрачной стены. Я села в такое же кресло в следующем ряду, с сомнением взяла в руки очки и повертела их в руках. Как только я все-таки решила надеть их на себя, программа возвестила о начале теста. Перед глазами появилась надпись: «Вам предлагается пройти лабиринт сознания». Сориентироваться удалось достаточно быстро. Это напоминало игру. Оказываясь в той или иной жизненной ситуации, я выбирала максимально полезное решение и подбрасывала нужное воспоминание, которое тут же встраивалось в ситуацию. Пару раз я прибежала в тупик. Один раз загорелся красный свет, означающий, что уровень счастья минимален. Несколько раз программа приводила меня в ситуацию «выбора». Поезд, полный людей, мчится на бешеной скорости, а

на дороге стоит какой-то лунатик. Что делать? Убить лунатика или попытаться его спасти ценой жизни и здоровья десятка людей в поезде? Я точно знала, как ответить на этот вопрос, и без колебаний выбрала людей в поезде. Затем задача усложнилась тем, что на рельсах оказался ребенок. Один раз я выбежала к машине, на которой можно было спастись от цунами. Когда я уже завела машину, вдалеке показался отчаянно машущий руками человек. Я поехала вперед. В боковом стекле отражалась дикая и в то же время чудовищно реалистичная картина. Гигантская воронка постепенно проглатывала все живое на своем пути. Машина ехала достаточно быстро, чтобы попытаться спастись. Я резко ударила по тормозам и открыла двери. Шестеро человек. Один из них Линч. Это он отчаянно махал руками посреди дороги. Остальные были на это не способны. Раненые, чудом уцелевшие люди начали набиваться на заднее сиденье машины. Тут я поняла, что в машине не хватит места для всех. Какая-то бабка уже выталкивала меня с водительского сиденья. Ответ очевиден. Я резко открыла дверь машины и вывалилась на асфальт. Встать мне помог Линч. Отряхнувшись, я встала. Машина отчаянно взвизгнула и рванула с места. Я оглянулась на Линча. На его лице, словно на плохом зеркале, отражалось цунами. На этом программа выбросила меня из лабиринта.

Тест я прошла минут за десять. После чего сняла очки и стала щуриться от слишком яркого солнца. Оказалось, что я закончила первой. Следующим был Макс.

– Ну как? – поинтересовался Макс.

– Сейчас уже не уверена, что хорошо, – пробормотала я.

Если мы закончили первыми, может, мы просто сделали что-то не то? Ошиблись? Неправильно поняли задание. Мы ждали минут сорок, периодически перекидываясь ехидными замечаниями по поводу глупых выражений лиц людей в очках. Чем больше нарастала тревога, тем более ехидными делались наши замечания. В конце концов, нам надоело здесь сидеть, и мы двинулись к выходу из зала.

– Ключа у нас все равно нет, – заметила я.

Только сейчас я ощутила, как вымотал этот тест. Глаза буквально закрывались от усталости. Линч задумчиво постучал пальцем по идентификатору, и на нем загорелась надпись: «Введите свое имя».

– Все всегда проще, чем кажется на первый взгляд, – усмехнулся Линч и вписал два имени.

Двери распахнулись, и мы буквально врезались в Алекса Агареса. Я слишком шумно вздохнула, а Макс по инерции сделал шаг вперед. Агарес стоял, прислонившись к стене, и буравил глазами двери в ожидании человека, который выйдет первым. Вид у него был такой, что я не удивилась бы, если бы у него в руках оказался пистолет.

Глава 3

– Жилой отсек на третьем этаже, – сообщил он, смерив нас тяжелым взглядом.

– Похоже, у нас появился шанс занять лучшие комнаты в блоке, – пробормотал Макс, стараясь не смотреть вслед удаляющемуся Агаресу.

– Угу, и шанс на худший результат в тесте, – пробормотала я.

– Морган, прекрати, нельзя всегда предполагать все самое худшее. Надежда умирает последней, – не особенно уверенно запротестовал Макс.

Мы достаточно долго петляли по одинаковым коридорам «Силенциума», прежде чем нашли лифт.

На третьем этаже сориентироваться удалось гораздо быстрее. Здесь располагались жилые блоки, столовая, какие-то технические помещения. Первый же встреченный здесь человек указал нам нужный коридор.

– Похоже, я сойду здесь с ума, – простонала я, когда мы добрались до места. Вид жилых комнат, мягко говоря, не впечатлял.

– Я с тобой, – пробормотал Линч, с тем же унылым видом оглядывая свою комнату. Белые стены, черная кровать, черный экран во всю стену, на котором сейчас горело только приглашение на церемонию идентификации, черная доска-полка, вживленная в стену, и стол на переплетенных друг с другом металлических ножках. Унылое и предельно стерильное зрелище.

– Ежедневно мы будем работать по шестнадцать часов. Государство будет рекомендовать нам текущего партнера, оптимальных друзей и наиболее соответствующие нам иллюзии и книги. Причем мы сами еще не будем знать, понравится нам иллюзия или нет, а в нашей карте это уже будет прописано. Радует одно: если мы сойдем с ума, то хотя бы будем заранее знать дату начала безумия, – Линч говорил медленно, но с каждым словом его речь становилась все более эмоциональной. Под конец он ударил кулаком по стерильно белой стене.

– Не факт, что будем, – напомнила я, – в карте не указываются сведения, способные ухудшить качество текущей жизни.

– По мне так вообще знание собственного будущего как-то не улучшает текущий момент.

– Во-первых, все равно наши жизни уже были посчитаны. Ты можешь отказаться получать свою карту, никто не запрещает.

– С начала Нового времени таких чокнутых еще не было, – хмыкнул Линч.

– Будешь первым.

– Хватит уже того, что ты отказалась от первого уровня. И так в шаге от Тортура, – пробормотал Линч. Он медленно подошел к панорамному окну – единственному украшению моей комнаты. В поведенческом секторе, как я успела заметить, очень любят стеклянные стены. В окнах отражалась идиллическая картина города, утонувшего между грядой гор. Эти скалы были так далеко, что почти все время скрывались за пеленой тумана. И все же, они были достаточно близко, чтобы то и дело можно было видеть их очертания.

– Меня пугает Алекс Агарес. Мне кажется, что он нас ненавидит, – сказала я.

– То есть Томас Пирр тебя не пугает? – саркастически поинтересовался Линч.

– И он тоже.

– Как я слышал, здесь особенное внимание уделяют борьбе со страхами. То-то они повеселятся, – хмыкнул Макс.

– Еще меня больше пугает, что скоро нас разведут по разным частям сектора и запретят общаться, – тихо проговорила я.

Линч, все это время стоявший в дверях, сделал робкий шаг вперед. За спиной послышались голоса проходящих мимо людей. Видимо, кто-то еще расправился с тестом. Затем по коридору пробежало стадо гиппопотамов. Во всяком случае, звуки были именно такими.

– Каждый год людей второго уровня становится все меньше, – отметил вдруг Макс. Он всегда любил математику и статистику, поэтому в вопросах цифр ему можно было доверять. – Пятнадцать лет назад это было два процента населения, а сейчас меньше четырех десятых. «Силенциум» – один из трех центров анализа и контроля поведения. Больше никого нет.

– А что с первым уровнем? – заинтересовалась я.

– Всегда одно и то же число.

Мы смотрели на хаотично суетящихся людей еще, наверное, час. До тех пор, пока из динамиков не раздался голос неопределенного пола и возраста, призывающий всех собраться в холле.

Церемония идентификации личности проходила в лекционном зале на первом этаже центра. Я тоскливо разглядывала людей вокруг. Все совсем не так торжественно, как предполагала. В огромном зале собралось где-то человек триста.

Алекс Агарес, Томас Пирр и Софи Рейвен стояли на сцене и наблюдали за происходящим. На гигантском экране была изображена девушка, украшавшая все плакаты с социальной рекламой. Решительное лицо, короткие волосы, татуировки на шее. Не знаю почему, ее сделали символом Нового государства. Церемонию идентификации снимали на несколько камер. Кому может быть интересен такой новостной сюжет, я не представляла.

Все уже посчитано. Для каждого найдена идеальная траектория жизни, максимально приближенная к Всеобщему Счастью. В соответствии с рекомендациями программы просчитывалась траектория действий с минимальными рисками и уровнем стрессов. Благодаря точным результатам теперь каждый знает, на какой работе он будет счастлив, с каким человеком ему будет полезнее всего общаться и т. п. Некоторые из нас будут удостоены чести изменять судьбы. Представители первого уровня говорили все то, что мы уже и так знали.

Спустя несколько минут началась сама церемония. Я щурилась изо всех сил, пытаясь разучить последовательность действий подходящих новобранцев. Сначала человек подносил руку к машинке. Она выбивала на запястье идентификационный номер с указанием уровня и сектора, затем на другую руку крепился браслет. Персональный компьютер, не требующий дополнительного питания.

– ...Синто Хейз, Макс Линч и Ника Морган, – бесцветный механический голос, назвал очередную порцию имен, в числе которых удалось вычленишь наши с Линчем. Я с опаской посмотрела на стойку, потом на Линча и снова на стойку. Шумно втянула в себя воздух, который, казалось, так и не нашел путь в легкие. Дышать было нечем, и желание сбежать, не покидавшее с первой минуты в секторе, из легкого ветерка превратилось в цунами. Сейчас моя жизнь приобретет вид пары формул, записанных в общую базу данных. Более того, эти формулы будут править и корректировать. Я сделала шаг вперед и вдруг почувствовала чью-то руку на своем плече. С благодарностью оглянулась на Макса. Мимолетный жест придал силы и уверенности. Я подошла к крайней стойке и оказалась прямо перед Томасом Пирром.

Я с опаской посмотрела по сторонам и решительно положила под машинку свою руку. Тысяча маленьких иголок тут же вонзились в кожу. Не сказать, что нестерпимо больно, но до ужаса неприятное ощущение. Через минуту все было закончено. Я решительно вставила вторую руку в браслет и почувствовала, как два тоненьких провода с практически невидимыми иголочками на конце вонзились в кожу.

– А если, скажем, у меня малокровие? Браслет может разрядиться или начать допускать ошибки... – послышался противный голос Синто Хейза, вечно всем недовольного занудного парня, решившегося высказать свое мнение самому Томасу Пирру.

– В теле каждого человека содержится энергия, способная неделю освещать весь остров. Даже от трупа компьютер способен работать еще достаточно длительный период времени. Да и если бы у вас было малокровие, мистер Хейз, мы бы уже об этом знали, – подчеркнуто вежливо пояснила Софи Рейвен.

Отвлечшись на ворчливого Синто, я даже не заметила, как все закончилось. Раздался едва слышимый щелчок, и пришлось оторвать руку от стойки. На запястье теперь красовался новенький черный браслет с достаточно большим экраном.

Я так была очарована видом браслета, что даже не сразу поняла, куда нужно идти. Окончания церемонии пришлось ждать еще около часа. В строй Макс вернулся столь же впечатленный. Все оставшееся время мы пытались незаметно снять браслет, выдрать его из кожи, включить... Ни одно из этих бессмысленных действий успеха не возымело.

– Итак, ваши жизни посчитаны и скорректированы, согласно оптимальной траектории. Через несколько минут браслеты будут активированы. Сейчас там содержатся полезные для вас данные о будущем, индивидуальное расписание учебы и работы, – сказал Алекс Агарес.

– Пойдем отсюда, – Линч бесцеремонно подпихнул меня к выходу.

Мы выскользнули из зала и как можно быстрее направились к выходу. За спиной уже слышались возбужденные голоса новых представителей второго уровня. Обычные шестнадцатилетние ребята, юноши и девушки, чуть более высокомерные, чем в лицее, но по факту они мало чем отличались от людей пятого уровня.

– Я переживу, если ты будешь знать мое будущее, но, если сейчас человек двадцать начнет обсуждать, когда у меня понос случится, а когда сердечный приступ, я повешусь, – прошипел Макс, когда они оказались возле центрального выхода из центра исследований.

– Поверь мне, кроме тебя, твой понос никому не интересен, – хмыкнула я.

Глава 4

Мы вышли из центра. Было около семи вечера. В лучах закатного солнца поведенческий сектор уже не казался столь уныло-серым зрелищем, каким он представился мне утром. Вдалеке виднелась тонкая, как щепка, башня власти. Величественный Эксимон привычно бликовал на солнце. Линч стал озиаться по сторонам в поисках места, где можно присесть. Наконец Макс сбежал с лестницы, по-деловому осмотрелся и махнул рукой:

– Давай сюда.

Лестница при входе в «Силенциум» имела странную восьмигранную форму, и возле самой стены можно было отлично разместиться так, что выходящие из центра люди тебя не видели. Я выжидательно посмотрела на продолжавший молчать браслет.

– Не хочу знать будущее, – задумчиво проговорил Макс. – Хочу сам его определять. Какого вообще лешего государство решает, что мне лучше смотреть и с кем лучше...

– Все уже посчитано, а по мне лучше знать, чем не знать, – я с опаской посмотрела на Макса. – Мы даже не мечтали сюда попасть, помнишь?

– Помню, – отозвался Линч.

В этот момент на экране браслета появилось приветствие. Запястье тут же заболело в месте прокола. Надеюсь, это временно. Мы тут же стали лихорадочно жать на экран. Найти нужный файл проблемы не составило.

– А вдруг ты рождена быть элитной проституткой второго уровня? – хмыкнул Линч.

– Так вот чего ты боишься, – рассмеялась я. – Ты уже не станешь рабочим на заводе, а я проституткой. Не с нашими баллами, Линч, – весело заявила я.

Огромная проекция повисла в воздухе. Я полностью погрузилась в карту самой себя. Исходные данные тут же отмела: и так о них все знаю. Про будущее было указано до обидного мало. Повсеместно значилось: «Информация заблокирована». Впрочем, то, что было доступно, все равно впечатлило. Несмотря на самый низкий из возможных индекс доверия (последствия пристрастия к ежикам), мне выдали доступ к информации первого уровня. Сразу же. Работа в Центре поддержки Касси. Рекомендованный партнер: информация заблокирована.

– Это как так... – разочарованно пробормотала я, как вдруг услышала возбужденный крик кого-то из ребят с церемонии. В душе я была рада их появлению.

– Высший доступ, да вы посмотрите, с какими людьми мы тут одну идентификацию проходили, – бушевал крупный парень с добродушным и совсем не интеллектуальным лицом.

– Макс Линч, – сдержанно сообщил Макс и протянул ему руку.

– Кроцелл. Отдел СМИ. 164 балла.

Он совершенно неподобающим для второго уровня жестом крепко пожал ее и с интересом уставился на меня. Я тоже представилась и поспешно убрала проекцию. Его щенячий восторг перед всем на свете почему-то настораживал.

– Вы ребята с пятого уровня? Ну, вы даете. Такого скачка, по-моему, еще никто не делал.

К нам постепенно подходили остальные новобранцы. Я с опаской взглянула на Макса. Линч готов был всех разорвать и провалиться сквозь землю. Незнакомые ему люди знали его будущее лучше, чем он сам. Даже непонятно, за что стыдиться. Скрыть при всех карту тоже было нельзя. Все с таким интересом принялись ее изучать, что это было бы просто некрасиво. Я тоже начала разглядывать его карту. Оказалось, что у Линча тоже почти вся информация заблокирована, но самое главное было уже известно: все очень похоже. Тоже

центр поддержки, несмотря на индекс доверия. Рекомендованный партнер... Астрей Ситри. Что вообще за имя такое? Как название венерического заболевания.

– Центр поддержки... – заунывно протянула девушка, стоявшая рядом с Кроцеллом. Высокая, красивая и до ужаса высокомерная. Явно выросла здесь же, на втором уровне. – Говорят, такие долго не живут, – с притворным сочувствием протянула она, разглядывая карту Линча. – Не выдерживают. Знаете, все эти разрешения на убийство, это так выматывает...

Она продолжала что-то говорить с фальшиво-сочувствующей интонацией. По факту я буду как тот парень, убивший нашего клиента пару недель назад. Я буду убивать тех, чью судьбу не удалось скорректировать должным образом. Тех, чья судьба бесполезна.

– Какой у тебя срок жизни? – со столь же притворно-сладкой интонацией поинтересовалась девушка.

– Информация заблокирована, – буркнула я.

– Я Алиса, – примиряющим тоном заявила девица.

– Мы в бар к Канзе, отмечать. Вы с нами? – поинтересовался Кроцелл, которому надоело исследование дебрей чужого будущего.

– С вами, – кивнула я с таким видом, будто каждый день «в бар к Канзе» хожу. Естественно, понятия не имела, что это за место. Вопрос в том, откуда о баре известно Кроцеллу, выросшему на третьем уровне сектора.

– Он здесь на площади, любой подскажет, – захохотал Кроцелл, подходите, как закончите со своими картами.

Толпа во главе с Кроцеллом и Алисой гордо прошествовала в сторону площади.

– Тебе рекомендована Астрей Ситри, ты хоть видел ее? – поинтересовалась я, разглядывая карту Линча.

– Ага, заметил на Церемонии. Красивая, – с воодушевлением отозвался Линч. Нестерпимо захотелось приступить к работе. Очень захотелось выписать разрешение на убийство. Причем я точно знала имя своей первой жертвы.

– Ника, мы больше не играем с законом, помнишь? – то ли спросил, то ли напомнил Макс.

Мы в одночасье стали чужими друг другу людьми, как будто и не росли вместе. Я откровенно завидовала ему. Я получила больше баллов на тесте, но судьба у Линча, судя по всему, поинтереснее. По крайней мере, у него уже есть одно венерическое... ну то есть рекомендованный контакт.

Решив отложить изучение собственного будущего на потом, мы отправились следом за компанией Кроцелла. Сейчас я почему-то остро ощущала свое одиночество. Люди не должны иметь личных привязанностей. Это не соответствует идее Всеобщего Счастья.

Оказавшись на площади, мы сразу увидели нужный бар. Располагался он в старинном здании с витиеватыми узорами на фасаде, а вход сюда был свидетельством чьей-то гениальности. Он был увит дикими лианами, тут и там летали странные насекомые, а прямо из двери ко мне и Макс у тянулись корни явно опасных деревьев. Когда пригляделась повнимательнее, поняла, что все это иллюзии. Проекции, но очень талантливые.

Бар буквально ломился от народа. Новобранцы каким-то неведомым образом моментально слились с людьми сектора. Все в черном. Резкие, динамичные и с каким-то странным акцентом умных людей. Во всяком случае, я про себя именно так его стала называть. Интонация усталости перед жизнью и многозначительной недосказанности присутствовала даже во фразочках вроде «Налей мне кофе». Я заметила в толпе нескольких операторов, которые тоже решили зайти сюда отдохнуть. Вообще-то они должны были уже уехать на свой уровень, но, судя по всему, решили зайти в легендарный бар оптических иллюзий. Один из опе-

раторов заметил меня и зачем-то кивнул. Я поспешила скрыться в толпе. Лишнее внимание репортеров еще никому на пользу не шло.

Впрочем, все это нисколько не испортило впечатления от бара. Даже наоборот. Благодаря темной одежде посетители меньше отвлекали внимание от интерьера, если можно так выразиться.

– Можно я останусь здесь жить? – поинтересовалась я у владельца бара по имени Канза Кроу. На плече у него был вытатуирован человек с хмурым и величественным лицом, одетый в головной убор с перьями. Канза уточнил, что его имя произошло из названия давно исчезнувшего с лица Земли народа, а татуировка изображает человека в традиционном для тех мест одеянии. То ли он просто сам все это придумал, то ли имя сменил, прочитав все эти легенды где-то. Все, что он говорил, почему-то невозможно было воспринимать всерьез.

– Не-а, крокодил сожрет, – улыбнулся Канза, указывая на подбежавшую к ногам рептилию. Я инстинктивно отшатнулась и только мгновением позже нагнулась, чтобы дотронуться до животного. Вопреки ожиданиям, крокодил обиженно скрылся за ветвями деревьев. Удалось дотронуться только до хвоста, который на ощупь оказался чуть более вязким воздухом.

– Пока работаю над тактильными ощущениями. Даю слово, через три года эти твари будут откусывать головы должникам, – гордо возвестил Канза.

– Клиентов не останется, – улыбнулась я, продолжая с искренним восхищением разглядывать населенное странными существами пространство.

Там, где, по идее, должны были быть стены, лились водопады, вились причудливые лианы, росли незнакомые и прекрасные растения. Над головой летали маленькие птички, а по траве ползала пугающего вида живность. Вместо столиков тут были причудливые деревьяшки. Более всего поражала барная стойка. Откуда-то из-за угла вытекала горная река, которая и была стойкой. Просто льющаяся и странно извивающаяся река, за которой на расстоянии метра в ветвях деревьев громоздились бутылки с жидкостью самых разных цветов. В люминесцентно-синем небе пугающе ярко горела луна. Мне доставляло удовольствие пробовать на вкус все эти названия цветов, запоминать то, какими они могут быть яркими.

– Я просто видоизменил способ подачи проекции, ну и саму технологию поправил, чтобы пореалистичнее смотрелось. Не представляешь, сколько времени убил на создание всех этих тематических иллюзий. У меня их больше трехсот, – с гордостью добавил хозяин заведения.

К барной стойке, то есть льющейся реке, подошел какой-то парень. По-видимому, это был приятель Канзы, потому что Кроу тут же переключился на него, и его речь моментально потеряла для меня всякий смысл. Через слово попадалось какое-нибудь незнакомое имя, да еще к тому же они смеялись в тех местах, в которых по идее не было ничего смешного. К ним тут же подошел еще один парень, и я стала уныло наблюдать за ними. Им было не намного больше лет, чем мне, но почему-то выглядели они значительно старше. Учитывая их уставшие, отравленные цинизмом лица, они казались даже старыми. Парень, оказавшийся дальше всех, показался мне знакомым. Я бесцеремонно перегнула через иллюзию реки, чтобы лучше рассмотреть лицо. Так и есть. «Штатный киллер», убивший пару недель назад наших с Максом клиентов. Единственный представитель второго уровня, которого я знала раньше. Здесь. Стало неприятно находиться рядом. Еще хуже сделалось от воспоминания о собственной карте будущего. Он теперь просто коллега. Вполне вероятно, что и мне придется кого-то убивать. Тут в бар вошла какая-то девушка, и все трое подняли головы. Девушка явно искала кого-то. Тот парень, Гасион Бал, так он вроде бы представлялся, заметил ее. Он неожиданно стушевался и попытался незаметно исчезнуть. Попытка не удалась.

Я стала беспомощно искать глазами Макса. Тот буквально растворился в толпе в тот момент, когда мы вошли в этот бар. Наконец я увидела его в самом дальнем углу. Он сидел

вместе с какой-то девушкой, судя по всему Астреей Ситри. Они над чем-то неприлично громко смеялись. Конечно, смех в общем гуле бара расслышать было невозможно, но по одним только лицам было видно, что они ржут, как стадо ослов. Человек с камерой в руках зачем-то снимал их счастливые лица. Я даже не заметила, как несколько операторов вдруг побросали свои коктейли и стали снимать то, как мы отмечаем первый день на своем уровне. Макс неожиданно поднял голову, и мы встретились глазами. Канза вдруг перегнулся через стойку бара и взял меня за руку.

– Может, улыбнешься хоть, я уже три коронных шутки на тебя истратил? – Канза хитро подмигнул мне, и я послушно рассмеялась. Минут пять мы действительно о чем-то непридуманно болтали.

– Ника, – я даже не заметила, как Макс подошел и встал за спиной, – ты не жди меня, когда соберешься, иди домой с остальными, – как можно быстрее проговорил он и поспешил вернуться к Астрее.

– Вот, учись у него, парень правильно себя ведет, – вдруг посерьезнел Канза. – Так что ты пить будешь?

– А что можно? – поинтересовалась я. Канза посмотрел в ту сторону, где сидели Макс с Астреей, и снова нагнулся ко мне.

– Это, смотря для чего. Есть для успокоения, снятия стресса, комплексов, чтобы проснуться где-нибудь не там с кем-нибудь не тем, для радости, счастья... Да что душе угодно. Все из разрешенных на втором уровне ингредиентов, – в этот момент Канза весело подмигнул. Ясно, что далеко не все разрешенное.

– А кофе есть?

– Какой? Ваша энергетическая дрянь или настоящий?

– Второе. Хочу настоящий кофе. Ты неправильно его понял, мы с Максом вроде как друзья, – я все-таки одернула руку. Игра стала немного раздражать. Интересно, что значит «ваша энергетическая дрянь»? Надо будет спросить у кого-нибудь завтра.

– Ага. Хоть друзья, хоть враги. Скоро тебе выдадут бумагу о нежелательности дальнейших контактов. В крайнем случае, кого-то переведут в другой сектор, а это, сама понимаешь, нежелательно. Это ведь все с умом придумано. Люди больше не страдают, все приносят пользу.

– Ты еще книгу Закона процитируй, – поморщилась я.

– Да я серьезно. Ты не думай. Я даже в свое время лицензию на эксперимент себе сделал. Ходили ко мне всякие одиночки, рассказывающие о том, как их лишили возможности быть с любовью всей их жизни. Так что ты думаешь? Ладно, если один из пары, но бывало, что оба в разное время дня ошивались здесь и ныли: «Все кончено», «Как мне дальше жить», «Я не знаю что делать», – Канза очень смешно изобразил голос типичного нытика. – Я трем таким парам сообщил по секрету, что могу организовать для них свидание. Так никто не пришел. Я подумал, может, они не хотят себе делать хуже. Предложил организовать побег в другой сектор, и что? Никто не согласился. Им просто нравилось грустить и быть несчастными, а с этим ты ничего не сделаешь. Нет, конечно, у меня есть одна настойка, кого хочешь обрадует...

– Так три пары не показатель, это не исследование. К тому же иногда прописывают Z-136. А это нарушает чистоту эксперимента, – возразила я.

– Исследование учли и внесли в список заслуг перед государством, ну и себе все это в очередной раз доказал. Сейчас объясню... Хочешь йогурт? – последняя фраза прозвучала очень неожиданно.

– Не очень, хотя можно, наверное.

Канза вытащил из-под льющейся реки стакан с чем-то белым. Присмотревшись, я увидела, что йогурт давно потерял свой товарный вид. На белой, сильно загустевшей субстанции ветвилась пушистая плесень. Я брезгливо отпихнула от себя эту гадость.

– А если у йогурта давно истек срок годности, ты будешь продолжать его есть? Так чем любовь хуже йогурта? – грустно улыбнулся Канза.

– Зачем ты хранишь эту гадость? – с отвращением разглядывая плесень в стакане, поинтересовалась я.

– Это мой любимый монолог, для наглядности держу, – пожал плечами Канза и поставил передо мной высокий стакан с каким-то невероятно вкусным кофейным напитком. Стакан примерно на сантиметр утопал в бушующей реке. Иллюзия воды мягко огибала его. Я опустила руку в бушующие воды иллюзии и нащупала гладкую поверхность стола. Проекция обладала небольшой, почти эфемерной плотностью. Канза с довольной улыбкой наблюдал за реакцией посетительницы. Ничто так не располагает к себе человека, как искреннее восхищение его работой. С этого момента Канза Кроу всем сердцем полюбил меня, так как к концу вечера я была свято убеждена в том, что Канза Кроу – гений.

– Я тебя провожу, – вдруг сказал он.

– Это точно лишнее, к тому же, кто за посетителями следить будет?

– У меня есть помощники, к тому же тут все автоматизировано, а твоему Максусу не помешает чуток поревновать, – беспечно махнул рукой бармен.

– И почему государство так заботят наши личные отношения. Зачем нужно было устанавливать эти дурацкие правила? – поинтересовалась я, бесконечно продолжая свой внутренний монолог.

– Чтобы люди не страдали. Вообще, это явно не ко мне вопрос. Это к первому уровню. Не переживай. В первый раз будет очень паршиво, во второй уже меньше, а потом перестанешь на это обращать внимание, – почему-то грустно ответил неунывающий Канза.

Каким-то чудом мне все-таки удалось отвертеться от провожаний Канзы. Преступности давно нет. Вернее, вся, что есть, посчитана и сведена к допустимому пределу. Оказавшись на пороге центра исследований, я присела на ступеньки входа. Идти в свою камеру одиночного заключения не хотелось. Я прекрасно знала, чем там займусь. Буду изучать свою карту. А это страшно. Будущее пугало своей определенностью. Вся жизнь сведена в пару строчек кода. Одно радует: судя по всему, это будет короткая жизнь.

– Ненавижу тебя, – тишину буквально разрезал противный женский голос. Из-за угла медленно выбежала та самая девушка, от которой пытался скрыться будущий коллега, Гасион Бал. Девушка бежала до неприличия медленно. Добежав до ступенек, она демонстративно прислонилась к перилам и чересчур громко задышала грудью. Наконец ей все-таки пришлось признать тот факт, что ее никто не догоняет, и побрести в жилой отсек.

– Странные вы существа, девушки. Если разрешен год отношений, это же не значит, что я на год в рабство отдаюсь, – философски заметил парень из бара. Учитывая тот факт, что он при этом трусливо выглядывал из-за угла, это смотрелось комично. – Она же не рекомендованный контакт, в конце концов, – начал оправдываться он.

– Ушла, – сообщила я, имея в виду девушку, которую так никто и не догнал. Парень осторожно вышел из-за угла и побрел к лестнице.

– Я тебя знаю. Ты любительница дохлых ежей, – заявил он, усаживаясь на ступеньках.

– Что? – поперхнулась я. Свято была убеждена, что он не запомнил нас с Максом. Если запомнил, то должен был доложить о том, что застукал нас на месте преступления. Должно было бы последовать какое-нибудь наказание... Оказывается, не только запомнил, но и прочитал мой дневник. С каких пор это разрешено?

– Мы дети! – спародировал он Макса, в ужасе поднимая руки вверх. Смотрелось действительно смешно. – Я Гасион Бал. Второй уровень. 173 балла. Отдел контроля, – повторил он, неправильно истолковав мое удивление.

– Я тоже, – пробормотала я.

– Гасион Бал по системе только один, я проверял, – слишком серьезно заметил парень.

– Ника Морган. Второй уровень. 174 балла. Центр поддержки.

– Ого, – искренне восхитился Гасион. – А еще ты никогда не пользуешься Сетью Всеобщего доверия и в дневник ахинею какую-то строчишь.

– Не люблю, когда ко мне в жизнь кто-то лезет. Я интроверт. Просто не хочу проблем с законом и держу минимальный индекс доверия.

– Врешь, – резко ответил Гасион. – Хочешь, чтобы твоей жизнью интересовались. Расспрашивали. Искали к тебе подход. Надеешься, что так ты всем интереснее будешь казаться.

– Не кажусь? – зло поинтересовалась я и резко скинула руку Гасиона, каким-то магическим образом оказавшуюся на моем плече.

– Для кого-то кажешься, – хмыкнул Гасион. – 174 балла, говоришь? Вы это скоро проходить будете.

– Как тебе... Работа? – я задала наконец тот вопрос, который мучил с того момента, как Алиса обнаружила эту отметку в карте будущего. Гасион посерьезнел и внимательно посмотрел на меня. Он вдруг показался уставшим и сломленным. Гасион снова придвинулся ко мне и уже, не церемонясь, положил руку на плечи.

– Нормально. Я для нее рожден. Все люди способны на убийство, просто некоторые способнее других, вот и все. Ты же на тесте уже убивала. У тебя тоже был поезд, который нужно спасти?

Я кивнула.

– Хоть младенца не давила? – в шутку поинтересовался Гасион.

– Давила, – притворно расстроенным голосом ответила я. Гасион расхохотался.

– Ника Морган, даже по меркам убийцы ты бесчувственная скотина, – заключил он. – Пойдем в жилой отсек. Даю сто процентов: самостоятельно ты не вспомнишь, как туда добраться.

– Я официально умнее тебя на два балла, – напомнила я.

– Ладно, оставайся здесь, – слишком легко согласился Гасион. Пришлось идти на попятную и просить проводить.

Макс в тот вечер так и не явился в жилую зону.

Глава 5

– Итак, высокоинтеллектуальные отбросы общества, добро пожаловать в центр поддержки системы «Касси», – возвестил вечно мрачный Алекс Агарес. Он говорил с такой интонацией, будто собирается объявить войну.

Уныло разглядывала будущее место работы. Если честно, меня мало волновало происходящее вокруг. Все внимание было сосредоточено в правом углу первого ряда группы новых сотрудников центра «Касси». Там стояли Макс и Астрея. Они незаметно для всех умудрились взяться за руки. У обоих были отвратительно восхищенные лица. Казалось, они сейчас же готовы отдать жизнь за будущее человечества.

Сложно представить, что в ближайшие несколько месяцев придется лицезреть эти счастливые физиономии. Утешает лишь тот факт, что государство заботится о нас, а система «Касси» настроена на одно: выжать из нас максимум пользы для общества и утилизировать. Как батарейки.

Отругав себя за крамольные мысли, я сосредоточилась на очередной речи Агареса. Итак, с сегодняшнего дня и до окончания отпущенного нам срока счастья мы все будем работать в центре поддержки Касси, вершить судьбы людей. На эту должность программа выбирала тех, чей срок жизни редко переваливает за роковую цифру «двадцать пять». Почему? Поговаривали, что эта работа не терпит старости мозга, жалости и других примет возраста. Люди постарше на этой работе рано или поздно начинали заигрывать с правилами и системой. Вернее, не начинали – просто хотели. Программа просчитывала их будущее и утилизировала быстрее, чем они хотя бы подумали нарушить правила. Таких стало появляться слишком много. Попробовали перенастроить центр на людей с другим уровнем интеллекта, но эффекта это не дало. Оптимальный возраст работы в центре – с шестнадцати до двадцати пяти. С одной стороны, мы элита общества, с другой – обреченные на смерть. В достаточной мере жестокая плата за то, что мы вершим судьбы.

Все это звучало столь важно и серьезно... На деле же все оказалось совсем не так глобально. Нас провели в огромный муравейник из людей и проекций. В зале было чересчур светло. Окна здесь были занавешены проекциями солнечного дня. Вечно хорошая погода. Здесь работало человек пятьдесят. Все сосредоточенно всматривались в то и дело возникающие и гаснущие проекции. Изображения появлялись и исчезали, а операторы никак не изменялись в лице, и взгляд их никогда не прояснялся. Казалось, что они слепые. Они не смотрели ни на фотографии людей, ни по сторонам. Все приблизительно мои ровесники. Несколько людей были подключены к лабиринтам. Максимально сложному способу изменения реальности.

В центре зала висело огромное табло. Оно было прикреплено так высоко, что я его поначалу даже не заметила. Присмотревшись, я разглядела на нем две колонки: в одной – имена, а в другой – какие-то цифры, именуемые рейтингом. Самым удивительным был тот факт, что на первом месте был Макс Линч, а на втором значилось мое имя. На третьем со значительным отрывом в цифрах – Астрея Ситри. Я обернулась. Рядом со мной стояла невысокая девушка с короткой стрижкой. Анни кажется.

– Что это за табло? – поинтересовалась я у нее как можно тише. Девушка подняла голову наверх и прищурилась.

– Новостной рейтинг, – со знанием дела сообщила она. Поскольку я так и продолжала на нее непонимающе смотреть, она поинтересовалась: – С какого ты уровня?

– С пятого, – ответила я.

– У вас что, не идут все эти новостные блоки о новоприбывших? – поразила она.

У нас тоже шли все эти бесконечные новости. Допотопные экраны и проекции светились, где только можно, но обычно там рассказывали о жизни разных звезд из отдела СМИ. У них жизнь повеселее была. Они-то с парашютом прыгали, то за просветлением в горы уходили. Иногда было даже забавно наблюдать за тем, как они «просветляются».

– Вообще-то такие программы снимают про всех новичков. На других уровнях популярны не только звезды, но, как видишь, и обычные люди, – хмыкнула Анни.

– А почему там мое имя на втором месте? – продолжала я пялиться на светящееся имя.

– Потому что людям понравилась история про тебя, Астрею и Линча, а еще твой допрос Гасиона Бала. Его величество на восьмом месте. Отродясь выше пятнадцатого не поднимался, – слишком громко сообщил Агарес. Видимо, мы с Анни все-таки не очень-то тихо переговаривались.

Я не заметила, что нас снимают. Думала, что нас никто не видит, поэтому и позволила себе тот разговор. Впрочем, если из этого сделали новостную хронику, ничего плохого я не сказала. Хотя Агарес, похоже, не рад появлению моего имени в рейтинге. Он вернулся к рассказу о центре поддержки.

Сменившая Агареса Софи Рейвен провела нас к рабочим местам. К ней неожиданно подскочил тот парень, который мне помог отыскать жилой отсек. «Его величество» Гасион Бал. Сейчас он выглядел чересчур высоким и сосредоточенным. Он был чем-то похож на Томаса Пирра. Современная, улучшенная и красивая его копия. Только у Пирра были мертвые и пустые глаза робота, а у Гасиона совершенно не сочетающийся с его образом какой-то удивленный, чуть растерянный взгляд. Боковым зрением я заметила, что все сотрудницы центра вдруг приобрели осмысленность в глазах. Они все-таки не слепые, просто плевать им хотелось на всех, кроме Гасиона. Бал сосредоточенно что-то говорил Софи Рейвен. Неожиданно он заметил меня в шеренге новых операторов центра и отрешенно кивнул. Моментально все взгляды других вцепились в меня. А что еще удивительнее, на меня уставился Макс Линч. Он вопросительно поднял брови, но я решила не замечать этого его жеста. Может, все не совсем посчитано? То есть не до конца? Если постараться, то можно будет встретиться, возможно, продолжить общаться... Астрея вряд ли это одобрит, но ведь и ей через год придет уведомление о нежелательности дальнейших контактов.

Гасион продолжал что-то докладывать Рейвен. Вид при этом у него был такой, будто он докладывает об инопланетном вторжении, а вот Софи наоборот. Она, казалось, даже не была удивлена новостям.

Наконец Софи кивнула и сделала едва заметный жест рукой, Гасион скупно кивнул и направился к выходу.

– Ну что ж. В каком-то смысле вам повезло. Вы узнаете об этом первыми, – предельно ровным тоном сообщила она. – Поступила новость о нескольких случаях заражений новым вирусом. Симптоматика пока не изучена. Смертность... – здесь ее голос едва заметно дрогнул, – сто процентов. Один из известных симптомов – патологическое изменение мозга, в результате которого человек отключается от системы Касси. Их нельзя посчитать, а значит, и вылечить.

Вдалеке раздавалось тихое шуршание других операторов, а все новенькие, в том числе и я, молчали.

– Если человек отключается от программы, откуда известно, что смертность сто процентов? – раздался противный голос бесстрашного Синто. Этот зануда, судя по всему, ничего не боится: ни черта, ни даже Софи Рейвен с компанией.

– Закономерный и логичный вопрос. Ответить, к сожалению, не могу. Разглашать или нет такие подробности, я не решаю. Задайте его господину Пирру, в крайнем случае – Агаресу, – все тем же спокойным голосом ответила Рейвен. Помолчав еще немного, она попросила всех рассестись по своим рабочим местам, чтобы можно было начать стажировку.

Новость об эпидемии вполне можно было бы отнести к разряду мировых. Поражало то, с каким спокойствием и безразличием к ней отнеслась одна из Основательниц Единого государства. Такое ощущение, что она ежедневно о таком узнает. Все мы еще долго пребывали в шоке. Впрочем, тупое и бессмысленное перестроение линий судьбы вскоре окончательно уничтожило все посторонние мысли.

– Не грусти, Морган, скоро вас обучат проходить лабиринты будущего, это что-то вроде нашего теста. Намного интереснее, в общем, – прошептала Анни, откидываясь на спинку стула.

– Надеюсь... – пробормотала я, пытаюсь придумать, как повысить работоспособность какой-то дурочки, не желающей заниматься ничем, кроме просмотра видеоиллюзий. – Это ж надо, в первый день работы началась эпидемия.

– Везет как утопленнику, – хмыкнула Анни. – Хоть контакт рекомендовали?

Я помотала головой.

– Та же история, – потянулась Анни, – видимо, мы слишком чувствительные особы, еще работоспособность понизиться. Будем целыми днями ногти пилить и капризничать, как та дурочка Кроцелла. Кстати, было бы забавно, если бы Бала тебе рекомендовали.

– Почему?

– Потому что ты бука, а он весь из себя неприступный герой. Такие истории всем нравятся. Тут же переплюнула бы Линча во всех рейтингах.

– Да меня растерзают здесь быстрее, чем мое имя в рейтинге окажется, – хмыкнула я.

– Так у Бала и пистолет есть, защищать должен, – развеселилась Анни. – Интересно, тут можно как-нибудь запросить твою карту будущего? Я сейчас все быстро нарисую... – Анни даже в ладоши хлопнула от энтузиазма.

Тут с другой стороны послышалось недовольное покашливание Астреи. Черт. Совсем забыла, что она сидит рядом. Разговор с Анни немного разрядил обстановку, но к концу того дня я все равно мечтала о смерти. Как же хорошо, что жить мне осталось меньше десяти лет. Было бы здорово, если бы нас просто заставляли работать один день, а потом расстреливали всех к чертовой матери. На следующий день пускай мучаются другие. Правда, рано или поздно возникнет нехватка кадров... Я старалась просчитать лучшее решение, учесть все рекомендации и проценты, выбрать оптимальный вариант. Более всего я боялась того, что мне придется выбрать смерть. Рано или поздно каждому из нас приходилось выбирать смерть. Во имя Всеобщего Счастья.

Глава 6

Уже на следующий день новость об эпидемии распространилась по всему центру поддержки. Нам объявили о том, что жалобы на плохое самочувствие нужно рассматривать в особом порядке. Доселе Касси успешно справлялась со всеми угрозами эпидемий еще до их начала, но не в этот раз. Зараженные просто выпадали из поля действия. Их жизни неуправляемым образом исчезали из программы «Кассандра».

Поначалу все это даже казалось интересным. Ну а потом эпидемия стала просто данностью. Люди постарше продолжали обсуждать эту новость, так как для них она оставалась чем-то из ряда вон выходящим, ну а меня больше волновал тот факт, что работать приходилось локоть к локтю с Астреей. Ежедневно приходилось видеть Макса, который упорно делал вид, что не знает меня. Рекомендованного контакта у меня в карте так и не появилось, поэтому приходилось вдвойне паршиво.

Учеба и стажировка проходили параллельно. Во имя Всеобщего Счастья государство заботилось, чтобы наши организмы работали на пределе возможного. Поэтому сил на то, чтобы лишний раз вздохнуть, у меня просто не оставалось.

Если честно, до определенного момента я старалась просто не задумываться над тем, почему здесь не доживают до двадцати пяти. Предпочитала думать, что специально выбирают, так сказать, скоропотящихся людей. В конце концов, как ты думаешь, так и есть на самом деле. Просто потому, что само по себе слово «реальность» весьма эфемерно. Лабиринты очень доходчиво это объясняли.

В основном приходилось корректировать совсем простые вещи. Лабиринт будущего был вершиной работы центра. Его прохождение давало максимальную корректировку из возможных. Проблема заключалась в том, что этому нельзя было научиться. Ни одно знание формул не гарантировали тебе удачи. По словам Анни, ошибка могла привести в ловушку сознания. Что это такое, она не пояснила.

Через месяц после начала стажировки, все изменилось. Когда я прибежала в центр, народ уже внимал словам Томаса Пирра. Его жесткое лицо отражалось сейчас в тысяче экранов. Сам же он стоял на небольшом возвышении в самом конце зала. Я попыталась найти глазами кого-то знакомого. Ни Анни, ни Макса, ни даже Астреи видно не было. Метрах в десяти от меня я заметила две высоких фигуры. Андрас и Гасион. Эти двое все меня пугали. Гасион, когда был без Андраса, опасений не вызывал, но вот Андрас совсем другое дело. Казалось, что он в любую секунду готов тебя застрелить. Чуть поодаль от них я заметила маленькую и сосредоточенную Анни. В толпе ее было очень сложно увидеть. Слушая вполуха Пирра, стала пробираться к Анни.

– ... В целях борьбы с эпидемией первый уровень постановил изменить правила корректировки будущего. Теперь все жизни нужно изменять по максимальной траектории. Уровень счастья и длительность жизни в качестве критерия можно больше не учитывать, – завершил свое объявление Пирр. По его лицу было видно, что он сам не рад этому «постановлению первого уровня».

По залу стали о чем-то тихо перешептываться.

– Это означает море ловушек, – пробормотала Анни.

– Может, наконец, объяснишь подробнее, – разозлилась я.

– Думаю, сегодня увидишь, – пожала плечами Анни. – Пирр никогда не вмешивался в дела центра...

В этот момент я заметила одного не в меру любопытного оператора, решившего поснимать зал, и приложила палец к губам. Не стоит проявлять такое неуважение к Пирру. Если

он увидит в новостной хронике, как мы нагло переговариваемся, ничего хорошего точно не будет.

Поговорить нам так и не удалось. Тут же было приказано приступить к лабиринтам. Даже операторы еще не успели собрать свою аппаратуру. Я машинально включила очередную карту и загрузила лабиринт. Рассчитывать теперь было особенно нечего. Ни срок жизни, ни уровень счастья никого больше не волнует. Только общественная польза.

Один поворот, другой, воспоминания, страхи, мечты... Начало казаться, что эта карта бесконечна, когда я все-таки вырулила на нужный уровень общественной пользы. Можно было закончить, но путь продолжался. Новые повороты, мечты, надежды, а вот и рекомендованный контакт...

Когда я открыла глаза, на меня с интересом смотрели все люди из центра поддержки. Справа и слева стояли операторы с камерами. В первом ряду я увидела Гасиона. Тот выжидающе смотрел на меня, как будто готов был сейчас же броситься в драку.

– Я что-то не то сделала? – непонимающе спросила я, пытаясь унять срывающееся дыхание.

Тут зал разразился аплодисментами. Операторы повернули свои камеры в сторону аплодирующей толпы.

– Ты удлинила жизнь на двадцать лет, идеальная траектория, – одобрительно сказал Гасион.

Оказалось, что я первой загрузила карту, и операторы решили, что будет правильно показать начало работы центра по новым правилам. Все стали с интересом наблюдать за работой людей с камерами, а затем и за мной. Теперь я по всем рейтингам Линча обгоню.

Воображение уже стало рисовать заманчивые картины будущего, когда я обратила внимание на что-то странное, творящееся в противоположном углу центра. Операторы уже ушли, большинство людей приступило к работе, а в том углу явно намечалось новое представление. Я нерешительно встала и пошла в ту часть зала.

Народ столпился возле одного из сотрудников. Он был на несколько лет старше, работал в другом конце помещения, поэтому я даже имени его не помнила. Парень выглядел мертвенно бледным, а его тело билось в страшных судорогах.

– Что случилось? – спросила я.

– Ловушка, – ответила Анни. Она, казалось, уже потеряла всякий интерес к парню. – Так происходит, когда слишком увлекаешься коррекцией жизни. Ты же знаешь, будущее можно скорректировать, но не изменить. Как в картах. Если у кого-то перебор, он автоматически проигрывает.

С этого дня мы возненавидели людей за пределами центра. На грани ловушки оказывался каждый. Часто удавалось вырулить, но не всегда. Линч однажды попался в такую.

Тогда в центре вдруг все оживились, Астрей сорвалась со стула и побежала в другой конец центра. Я поспешила за ней. На кресле в страшных судорогах бился Макс Линч. Осознание того, что это последние минуты его жизни, просто прибило к полу. Я стояла по стойке смирно, а из глаз катились слезы беспомощности. Не знаю, сколько так продолжалось, но в какой-то момент он затих. Андрас тогда приложил два пальца к его запястью, чтобы проверить пульс. Через секунду он громко возвестил:

– Везунчик!

Астрей кинулась обнимать бездыханное тело, а я так и продолжала стоять.

– Пойдем, Ника, – отрезвляюще громко сказала Анни. Ее слова буквально вернули к жизни.

Однажды я тоже попалась. Лабиринты населяли чужие мечты и страхи. Их причудливое переплетение и рождало будущее. Чужие желания обычно казались глупыми, а страхи по большей части пустыми. Нет ничего сложного в том, чтобы пройти море пауков, если ты

их не боишься. Проблема заключалась в том, что разновидностей страхов было не так уж и много. Насекомые, высота, глубина, гробы, смерть – подобные глупости проходила за пять секунд. К сожалению, люди слишком похожи друг на друга. Тогда я впервые столкнулась с чистым соответствием. Обычная девушка третьего уровня больше всего на свете хотела себе рекомендованный контакт, а боялась того же, чего и я. Ей угрожали стресс и потеря работоспособности. Нужно было как-нибудь привести ее к рекомендованному контакту. Я быстро нашла нужные воспоминания, но ее мозг отказывался их воспринимать. Он считал это проявлением безумия. Один раз, второй, третий... И вот я уже падала в бездну беспомощного безумия. Градом сыпались осколки чужих воспоминаний, а я ничего не могла сделать. Оставалось лишь зажмуриться и попытаться выжить. Когда я все-таки отважилась открыть глаза, передо мной светилась проекция с уведомлением: «Программа требует утилизации одного из участников лабиринта. Просьба выбрать нужный вариант». Я выбрала жизнь. Свою.

Мы возненавидели людей, чьи судьбы должны были корректировать. Жалость сменилась ненавистью. Чаще всего мы все-таки выбирались из ловушек, вот только, никогда не забывали о них.

Первым, кого я тогда увидела, выбравшись из лабиринта, было лицо Андраса. Он с интересом наблюдал за тем, как я беспомощно сучу руками и ногами. Вокруг собралось всего несколько человек. Ловушки постепенно переставали быть чем-то из ряда вон выходящим. Андрас, Форас и Лерайе сдержанно поздравили меня и поспешили разойтись.

Осталась только Анни.

– Теперь понимаешь, почему о них никто не хочет говорить? – спросила она.

Я кивнула. Анни выглядела уставшей. До конца рабочего дня было еще долго. Ей пришлось все-таки включить новый лабиринт и заняться поправкой чьего-то будущего. Я до конца дня правила самые простые карты. Так, чисто отваживала людей от мороженого и уводила от открытых люков.

Иногда я приходила в бар к Канзе и болтала с ним о новых иллюзиях. Поскольку я слушала бармена с неизменным восхищением, он всегда готов был смешать мне какой-нибудь новый коктейль. Неразбавленная радость, Падение, Нирвана... Бармена давно перестали интересовать тривиальные напитки, все, что он делал, должно было содержать Иллюзию. Это восхищало, правда, по-моему, только меня. Остальные воспринимали бар неотъемлемой частью интерьера, что ли.

Перед днем очередного эксперимента Канза на прощание сказал:

– Приходи сюда после занятий, ладно?

– Без проблем, – ответила я.

С утра нас собрали в огромном зале, в котором проходила церемония идентификации. Правда, его сейчас трудно было узнать. Пол наклонили еще больше, а зал был уставлен причудливо изогнутыми лавками, поэтому помещение превратилось в обычную аудиторию для занятий.

Неожиданно гул новичков стих. Раздались удары каблуков об пол. Софи Рейвен медленно прошествовала к зоне для выступлений. Оглядев всех придирчивым взглядом, она заговорила:

– К сожалению, мне доверили сообщить вам о том, что ваша коллега, Алиса, умерла...

По залу пронеслась волна удивленных возгласов. Вечно всем недовольная Алиса никогда мне не нравилась. Впрочем, я и не общалась с ней никогда. Ее определили на работу в клинику. Встречались мы только на занятиях по истории Нового общества, поведенческой теории и практикуме, таком вот, как сегодня. Она упала с лестницы, ведущей в лабораторию. Однажды пришлось проходить мимо нее, неудивительно, что кто-то пострадал. Бредовое сознание какого-то дизайнера сделало лестницу в лабораторию самым опасным местом в центре, да, наверное, и во всем секторе. Только тюрьма Тортур, пожалуй, вне конкуренции.

Лестница с прозрачными ступенями и перилами лишь с одной стороны. На двадцать первом этаже. Вниз лететь очень долго... Я совершенно равнодушна к высоте, но, оказавшись на той лестнице, шла, намертво вцепившись в перила. Даже не представляю, как возмущалась Алиса, когда ей приходилось спускаться по тем ступенькам. Бедный Кроцелл... Его рекомендованный контакт. Они проводили вместе все свободное время. Веселый и добродушный Кроцелл всегда стоически выносил брюзжание Алисы. Его терпению можно было позавидовать.

Рейвен закончила свой печальный рассказ о произошедшем и внимательно оглядела аудиторию. Сейчас она, как никогда, напоминала хищную птицу. Черные прилизанные волосы, острый, будто вынюхивающий что-то нос, прищуренный взгляд. Такое ощущение, что жертву себе высматривает.

– Выражаю свои соболезнования. Понимаю ваши чувства и даю вам два часа на адаптацию, да и от вас требуется непременная исповедь в Сеть всеобщего доверия. Немедленно. Это для вашей же пользы. Таким образом, занятие продолжится через три часа, – заключила она и направилась к выходу.

Я не заметила, как она нажала нужную кнопку, но пол в аудитории стал опускаться, а скамейки неожиданно тронулись с места. Пришлось вскочить, чтобы не упасть с этого чудопаровозика. Менее проворные тут же попадали со своих мест. Скамейки остались лишь по краям, стены аудитории тут же окрасились проекцией пустыря. Пол превратился в растрескавшуюся землю дымчато-серого оттенка. На горизонте замаячили безжизненные стволы деревьев, скрючившихся от порывов ветра. Температура воздуха не изменилась, но почему-то сразу стало холодно и страшно. Все вдруг разбрелись по группам и стали что-то обсуждать. Я поискала глазами Кроцелла. Тот стоял совершенно ошеломленный. Казалось, его оглушили. Подойти или не стоит?

– Как ты? – дрогнувшим голосом поинтересовалась я. На самом деле подходить очень не хотелось, просто поспешила отойти от Макса с Астреей.

– Нормально, – огрызнулся Кроцелл, – не хочешь заполнить дневник? Обязательный поведенческий минимум все-таки.

Кроцелл был прав. Нужно было что-то написать. Подумав секунду, я отошла к стене, включила проекцию на браслете и вбила пару фраз. Из-за этой видеоиллюзии со стороны казалось, что я стою в одиночестве посередине пустыни, а остальной караван ушел далеко вперед... к другой стене. Чертовы иллюзии. Вот нет у них Канзы. Ни фантазии, ни красоты, ни логики. Могли бы что-нибудь попозитивнее дать. И почему у Канзы такая карта будущего? Он ведь явно мог бы принести куда больше пользы, работая в центре, а не в плешивом баре. Ладно, в отличном, но все равно баре.

Со стороны доносились обрывки чужих разговоров. Поначалу все с притворными интонациями говорили о том, какая для них утрата – смерть Алисы, но уже через несколько минут все перешли к обсуждению того, какая она была дура. Слушать это было неприятно, хотя я и была во многом согласна с большинством мнений. Мне так не хватает рекомендованного контакта, и вот сейчас, когда правила разрешают разговоры, мне абсолютно нечего сказать... Тут раздалась гулкая серена, возвещающая о начале времени для дневниковой записи. Все стали судорожно включать свои проекции и яростно вбивать исповеди.

Как только последняя проекция исчезла из воздуха, аудитория вновь приобрела привычные очертания. Стены, лавочки, пол, дверь. Последняя тут же отъехала и в проеме показалась фигура Софи Рейвен. За ней стоял кто-то еще. Раздался вой сирены, и все замолчали. Софи застучала своими каблуками. Следом за ней шла понурая... Алиса. Все повторилось. Снова тишина, волна удивленных возгласов и так далее по списку. Только Кроцелл вел себя не по плану. Он шумно выдохнул и ринулся к девушке. Алиса даже взвизгнуть не успела, как Кроцелл сгреб ее в охапку и шумно прошептал:

– Как же хорошо, что ты есть...

Все ошарашено наблюдали за этой сценой. Софи Рейвен тем временем преспокойно прошествовала к уже образовавшейся сцене.

– Мы наблюдаем сейчас иллюстрацию к Первому закону Крэй. Кто-нибудь его помнит? – громко и властно сообщила она. Все нехотя отвернулись от Алисы с Кроцеллом и стали слушать Рейвен.

– Смерть расстраивает только одного, – отрапортовал ботаник Синто.

– Примерно так, – кивнула Рейвен. – Всегда есть один человек, которого расстроит ваша смерть. Он есть всегда, каким бы отвратительным человеком вы ни были. Но он всегда только один. Это и есть рекомендованный, максимально полезный контакт. В этом эксперименте все всегда, как по учебнику.

А вот дальше последовало то, чего никто не ожидал. Софи включила ленту исповедей. По воздуху полились строчки с описанием переживаний по поводу смерти Алисы. Все писали примерно одно и то же. В разных выражениях, но смысл был один: «Сама виновата». Среди прочих исповедей я заметила свою, до предела лаконичную: «Алиса умерла. Очень жаль. Бедный Кроцелл». Нас в лицее всегда учили, что многословие чревато обвинением в безумии или глупости, причем еще неизвестно, что страшнее. Глупый Бранти частенько повторял эту поговорку старого деда Вассаго. В ленте я заметила почти дословно повторяющую меня фразу. Макс. Закончилась лента на Кроцелле. Его исповедь тоже не отличалась красотой речевых оборотов.

– Сейчас все вы обвиняете меня в неправомерном разглашении ваших секретов. Но, как вы заметили, исповеди не отличаются оригинальностью. Они не подписаны и совершенно идентичны по содержанию. Кроме одной. Так происходит двадцать лет подряд...

За спиной у Софи Рейвен стали проявляться тени заранее подготовленной нарезки. Вот заплаканная девочка кидается на шею какого-то долговязого парня за спиной Софи, вот лопоухий мальчик сгребает в охапку какую-то девушку... А вот уже выпуск Гасиона. Я тут же заметила его напряженное выражение лица. Он стоял на том же месте, что сейчас я. Кулаки его были сжаты так, что костяшки пальцев приобрели синюшный оттенок. Дверь открылась и в комнату вошла Софи, а за ней следом миниатюрная девушка с веснушками на лице. Кулаки Гасиона стали медленно разжиматься. Он сделал шаг вперед и шумно выдохнул, точно так же, как несколько минут назад Кроцелл. В этот момент из-за спины Гасиона вышел его друг, с которым я его видела в баре у Канзы. Андрас. Тупой солдафон, вечно соперничающий с Гасионом за внимание девушек. Он мне ужасно не нравился. Андрас обнял девушку с веснушками и проговорил уже в тысячный раз слышанную мной фразу: «Как хорошо, что ты есть». Затем появились новые персонажи, новые... Все закончилось на сцене, произошедшей лет двадцать назад. Молодой человек с до ужаса некрасивым, будто вырубленным из дерева лицом, кинулся к вошедшей в аудиторию писаной красавице. Она казалась самым совершенством. Ее звали Арника. Это имя воскликнул некрасивый парень. Хроника подошла к концу.

Занятия закончились поздно вечером. Я уже дошла до жилого отсека, как вдруг вспомнила о том, что обещала Канзе прийти сегодня в бар. Подавив в себе малодушное желание включить браслет на полную, чтобы он выкачал достаточно крови. Сил не останется совсем и можно будет упасть в бесконечные лабиринты глубокого сна. Я с сожалением посмотрела на браслет и повернула в сторону выхода из центра.

Из головы не шел эксперимент. Первый закон Крэй означает, что в мире есть хотя бы один человек, который будет рад тому, что я жива. Ну и кто этот несчастный? Было бы здорово, если бы на роль жертвы выбрали меня, а не эту заносчивую девицу. Наверное, ее специально выбрали. Все и так знали, что Кроцелл в ней души не чаёт. А вот моему воскрешению никто бы не обрадовался. Во всяком случае, так же сильно.

Глава 7

Погода была отвратительная. С неба капало мерзкое подобие дождя, которое делало воздух каким-то пожухлым, как трава на газоне возле «Силенциума». Из-за тумана башня власти больше не выглядывала из проемов зданий. В ясную погоду она гордо высилась, пронзая облака.

Бар Канзы сегодня представлял собой островок, со всех сторон окруженный водопадами. Кроу сразу же увидел меня и махнул рукой, приглашая в коридор за стойкой. Вход в подсобку видно не было, но я и так знала, где он расположен. Водопад на ощупь почти не существовал. И все же минимальную плотность он имел. Воздух в том месте, где лилась вода, был чуть более вязким, что ли. Даже отталкивающим. Ощущение было такое, будто я магнит с другим полюсом.

– Чтобы посторонние не ломились, шепнул Канза, открывая дверь. Из сердца водопадов я попала напрямик в обычный серый коридор, в котором давным-давно никто не бывал. На шею мне опустилась чья-то рука. Я вздрогнула.

– Пошли, – скомандовал знакомый голос. Гасион так и тащил меня за шкуру до самого черного входа в бар.

– Куда ты меня тащишь, а? – взвизгнула наконец я. В коридоре сопротивляться не решилась. Мало ли что придет в голову человеку, чья работа – убивать. На улице он ничего мне не сделает. Не должен. Память очень не кстати начала подбрасывать случаи того, как я нарушала закон. А может, и есть у него разрешение на убийство. В целом на смертную казнь совсем немного не достает...

– За мной, – скомандовал Гасион. Руку с шеи он убрал и быстрым шагом направился в сторону границы уровня. Сейчас он совсем не напоминал мечту всех девушек центра исследований.

Граница уровня представляла собой небольшой пропускной пункт, возле которого располагалась стоянка грузовиков. Единое государство – остров, вокруг которого построен монорельс, снабжающий все сектора товарами. От пятого уровня до сердца острова несколько сотен километров. Грузовики с товарами ежедневно отправлялись отсюда за товарами. Обычным людям между уровнями шлаться не рекомендовано, но разрешение получить не очень-то сложно. А вот между секторами люди обычно не общаются. Гасион велел мне забраться в один из грузовиков, а сам ушел куда-то. Сейчас еще можно было сбежать, но... Вряд ли что-то случится. Моя карта будущего почти полностью скрыта, но у меня впереди окончание стажировки, успешное прохождение экзамена... Короче говоря, не убьют меня сегодня, так что бояться на самом деле нечего. Во всяком случае, я всеми силами старалась себя в этом убедить.

Спустя несколько минут Гасион запрыгнул в грузовик. Машина тронулась. Гасион пристально изучал мое лицо. От этого взгляда делалось зябко.

– Не понимаю я твоей репутации... – пробормотала я.

– Что? – поперхнулся Гасион.

– Не понимаю, почему все считают тебя пределом мечтаний, – поправила я.

– Вот такой вот я предел. Последний рубеж, я бы сказал, – хмыкнул Гасион.

– Ты объяснишь, куда мы едем? – разозлилась я.

– На работу, – пожал плечами Гасион.

Грузовик остановился возле лица третьего уровня. Здесь все выглядело куда приличнее, чем то место, где мы с Максом выросли.

– Напомни мне основы Нового общества, – попросил Гасион, пока мы шли по дороге к лицу.

– Моя карта будущего говорит о том, что я ненавижу историю.

– Карта или ты?

– Это одно и то же.

– Наше прошлое, помноженное на ДНК, рождает будущее, – напомнил он главный закон работы программы Касси. – Ничего нельзя изменить. Ты понимаешь? Ни-че-го, – по слогам повторил он.

– Ну, можно скорректировать, это и есть наша работа.

– Все посчитано, Ника, – раздраженно ответил Гасион. – А твое нежелание утилизировать людей приводит вот сюда. А еще это приводит в Тортур, – добавил он. Я уже давно перестала что-либо понимать, поэтому просто шла за этим чертовым убийцей.

Гасион согнул руку в локте и включил браслет. Высветилась проекция: «Разрешение на убийство». Так называли эти сертификаты на утилизацию отслуживших свое членов общества. Несчастливого звали Фенекс, фамилию я не заметила.

– Стой, – скомандовал Гасион. Я остановилась как вкопанная. – Это он. – Гасион указал на грузного мужчину средних лет. Тот о чем-то разговаривал с куратором лица.

– Нет. Можно же просчитать, изменить что-нибудь... – начала я судорожно искать выход. Я знала, что это необходимо. Этот Фенекс не вызывал у меня ни малейшей жалости, но ведь можно же как-то просчитать, снизить уровень счастья, увеличив срок жизни... Собственно, в центре поддержки я только тем и занималась, что снижала уровень счастья, чем жутко веселила Анни и Астрею, сидевших рядом со мной.

– Можно просто не убивать, – ответил Гасион. – Хочешь?

– Да, – с готовностью ответила я, понимая, что дело явно этим не закончится.

– Пойдем.

Гасион вдруг пошел по дороге, ведущей к заброшенным территориям. Пришлось последовать за ним. Мы шли достаточно долго. Остановились возле квартала с разрушенными войной домами. Сюда лицеисты прибегают в поисках полезных товаров, которые можно продать. Я выросла на пятом уровне, но, полагаю, здесь все то же самое.

Гасион предложил передохнуть возле какого-то одноэтажного здания. Назначение его осталось для меня загадкой.

– Я уже отдохнула, – сообщила я. Очень хотелось поскорее закончить со всем этим.

– А я нет, – бодрым голосом сообщил Гасион.

Тут из-за угла показалась какая-то девочка лет одиннадцати. Она тащила сумку, набитую полезными товарами. Отважная. Мы с Максом поодиночке не ходили по разрушенным территориям. Я хотела было пойти к ней навстречу, но Гасион остановил меня. Девочка двинулась в нашу сторону. За углом дома что-то мелькнуло, а спустя минуту навстречу девочке вышел Фенекс. Он очень вежливо поинтересовался, куда она идет. Я в ужасе повернулась к Гасиону.

– Ну, мы же не будем никого убивать, – беспечно сообщил он, с преувеличенным интересом наблюдая за разворачивающейся сценой. Когда я вновь попыталась выйти навстречу девочке, Гасион заломил мне руку и зажал рот рукой. Фенекс тем временем достал из-за пазухи нож и приставил его к горлу девочки.

Я все-таки умудрилась вывернуть руку и ударить Гасиона под дых. Тот согнулся пополам, а я ринулась вперед. Мужик не замечал ничего вокруг. Гасион оправился от неожиданного удара, выпрямился и обогнал меня. Он первым подошел вплотную к Фенексу, достал пистолет и без малейших эмоций на лице выстрелил. Фенекс упал в сантиметре от того места, где стояла девочка. Глаза ее остекленели от ужаса.

– Тебе не пора домой? – поинтересовался Гасион самым любезным тоном. Девочка кивнула и побежала что есть сил. Я вспомнила, как несколько месяцев назад мы с Максом с таким же ужасом в глазах смотрели на Гасиона.

– Ты все еще осуждаешь меня? – поинтересовался Гасион.

– Да, – выдохнула я. – Есть Тортур. Есть тюрьма для преступников.

– Угу. И она не способна уместить всех. Если человек больше никогда не принесет пользы, зачем он нужен? Короче говоря, если до конца стажировки ты не выпишешь хотя бы одно разрешение, ты сама окажешься в Тортуре, – беспечно сообщил Гасион.

Я ненавидела его. Не за то, что он убил этого Фенекса, а за то, что я должна была стать свидетелем этой неприглядной сцены.

Глава 8

Поначалу вся эта история с эпидемией никого не испугала. По-настоящему. Так, одна из новостей, не больше. Потом нас стали убивать лабиринты, а вскоре заболели несколько моих знакомых. Сначала Анни, затем Кроцелл, а потом и Астрей.

Это произошло спустя три месяца после начала нашей стажировки. Близились экзамены, результаты которых могли удивить разве что особенно впечатлительных особей. У остальных результаты и без того значились в карте будущего. Большинство из нас не прошло бы тест, и их бы послали работать на благо сектора. Меньшинству же надлежало продолжать работать в центре поддержки системы Касси. Я так и не смогла заставить себя выписать ни одного разрешения на убийство и была почти уверена в том, что меня на всякий случай спишут куда-нибудь на работу в бар Канзы. Надеялась на это. По-моему, все надеялись. И здесь не имело значения то, что там выдавал браслет.

Карта судьбы любого человека напоминала лабиринт, в котором есть несколько основных развязок, а все остальное – на усмотрение Касси. И, тем не менее, изменить будущее программа не могла. Ее функция состояла лишь в том, чтобы просчитать оптимальную траекторию из набора заранее заданных вариантов. Именно поэтому эпидемия стала настоящей трагедией... Только не для государства, как я изначально подумала, а для людей.

Первым признаком болезни была резкая головная боль. Однажды я заметила, как Анни раздраженно трет висок, а проекция перед ней превратилась в выгоревшую черную воронку. Это означало, что она вместо увеличения пользы прошла лабиринт, снизив полезность человека для общества. Анни была в разы умнее и точнее меня. Ее баллы теста я не знала, но она всегда находила лучшие маневры и самые точные решения.

– С тобой все в порядке? – поинтересовалась я.

Анни неожиданно дернулась и открыла глаза. Ее била дрожь и ей явно требовалась помощь врача.

– Да, – отрешенно сообщила она и принялась за работу.

На следующий день ее рабочее место пустовало. Поговаривали, что ей повезло и ее перевели в только что открывшуюся лабораторию по изучению вируса. Деятельность этой лаборатории не входила в юрисдикцию Касси, поэтому никто не мог сказать, повезло ей или нет. С другой стороны, остальных заболевших переводили в особое крыло Тортура, а это почти со стопроцентной вероятностью означало смерть.

Как исчез Кроцелл, я даже не заметила. Просто раньше они с Алисой ни на секунду не разлучались, чем очень меня раздражали, а потом она стала везде появляться в гордом одиночестве.

Спустя еще пару дней я шла по коридору жилого отсека. В дверях коридора я заметила Астрей, раздраженно трущую свои виски. Заметив меня, она как будто испугалась и поспешила скрыться в комнате. С недавнего времени дотрагиваться до виска стало чем-то неприличным.

Если по поводу Анни я расстроилась, то вот Астрей... Это был совсем другой случай. Макс так ни разу за это время даже не попытался поговорить со мной. Шестнадцать лет нашего детства выгорели и превратились в пепел. Ну не Макса же в этом винить? Конечно, нет. Намного проще сделать во всем виноватой Астрей.

Через пятнадцать минут надлежало явиться в центр поддержки. Времени хватало только на то, чтобы умыться. Три часа бесконечной лекции по истории Нового общества убили во мне все живое. Ледяная вода более или менее привела в чувства. В центре я привычно взглянула на табло с рейтингами новобранцев. Мое имя привычно значилось на первом месте, следующим значился Макс Линч. Дальше по списку шли Анни и Астрей,

но теперь их место занял занудный Синто. Рейтинг складывался из множества факторов: результаты учебы, тренировок, баллов теста, уровня доверия... Но главным показателем был интерес зрителей. Наши жизни интересовали все большее количество людей, и, судя по прогнозам Касси, дальше должно было стать только хуже. Операторы появлялись в центре поддержки с завидной регулярностью. Иногда процессом руководил Кроцелл, до тех пор, пока не исчез. Мне повезло. После того случая, когда я первой прошла лабиринт, мое имя прочно утвердилось на первом месте. Жизнь в тот раз удалось удлинить чуть ли не вдвое, почти не задев уровень счастья. В общем, когда лицо прыщавого парня с пятого уровня погасло, я была безмерно горда собой. Это до неприличия счастливое выражение лица и завершило тот сюжет. Выпуск показали, и с тех пор мой рейтинг взлетел до небес. Первое место с отрывом в двадцать баллов. Эти сводки нам так и не показали, поэтому даже не знаю, за что так полюбилась народу. Узнала сюжет только из рассказа Канзы, весьма подробного правда.

Общение государством не приветствовалось, особенно с nereкомендованными контактами, но в моем случае это означало почти полную изоляцию. Оставались разве что Андрас с Гасионом. Они плевали на все правила и попеременно приглашали на свидания каждую девушку центра. Казалось, что им все нипочем. Андрас пару раз приглашал меня в бар к Канзе. Я даже один раз с ним сходила, но в итоге Андрас затерялся где-то в темноте бара, а я весь вечер проболтала с Канзой, чему кстати была несказанно рада. При ближайшем рассмотрении Андрас оказался даже хуже, чем я о нем думала.

Пользоваться Сетью всеобщего доверия не хотелось, поэтому оставалось только одно: ставить браслет на максимум, чтобы он откачивал достаточное количество крови, делая из меня совершенно индифферентного к жизни человека. Так делали почти все, но исключения вроде отвратительно живых Гасиона с Андрасом раздражали. Кстати, Гасион, казалось, меня стал бояться. После той прогулки на третий уровень он старался не попадаться мне на глаза.

На моем счету было уже тринадцать пройденных лабиринтов, когда раздался сигнал конца рабочего дня. Пред глазами мелькали черные точки, сигнализовавшие о том, что мой организм выработал свою норму. Батарейка требует зарядки.

– Ошибка системы, ты ведь не откажешь мне в помощи? – раздался за спиной знакомый голос. Я повернулась. Передо мной стоял Гасион во всей красе, а рядом с ним неловко топталась девушка, Камио кажется. Я ее практически не знала, даже имя с трудом вспомнила.

– Я не ошибка, – пробормотала я.

– Не придирайся, – ответил Гасион, – поработай за Камио. Ты ведь эти лабиринты как орешки щелкаешь, а нам и пожить немного хочется, – подмигнул девушке Гасион.

Пришлось кивнуть. Хотя сама не знаю, почему согласилась за просто так поработать несколько лишних часов.

– Выписывай разрешения, сколько влезет, – усмехнулся Гасион на прощание.

Как только я села за стол Камио передо мной возникло знакомое лицо. Глупый Бранти. Мы вместе с ним учились в лицее. Его интеллект едва ли превышал уровень табуретки, но более доброго и неунывающего человека я никогда не встречала. Здесь таких не водилось. Старый дед Вассаго в лепешку расшибался, чтобы уберечь Бранти от всевозможных тестов. Бранти, без сомнения, подлежал утилизации. Еще при рождении. И все-таки он жил. Сейчас лицо Бранти висело в воздухе. Его не удалось уберечь от программы. Я перевела взгляд. Вот результаты теста на интеллект, рекомендация на утилизацию... Дрожащей рукой я нажала кнопку начала лабиринта. Перед глазами стали мелькать его воспоминания. Вот и мое лицо, а вот и Макс, и наш лицей... Галерея памяти остановилась, нужно было максимально быстро просчитать судьбу и выбрать один из предложенных вариантов будущего. Расчеты много времени не заняли. В самом лучшем из вариантов Бранти должен был нарушить закон через три дня. То есть нужно было срочно выписать разрешение на убийство. Я в панике стала озираться по сторонам. Удалить его из системы невозможно. Нужно было что-то делать. На

глаза попало одно из воспоминаний Бранти. Тот раз, когда он спас нас с Максом. Высчитав траекторию, я подтянула этот эпизод и поставила на место одного из трех путей будущего. Раздался звук, означающий ошибку системы. Лицо Бранти исчезло, на его месте появилось новое изображение. Я выдохнула. На стол упало несколько ярко-красных капель. Я прижала руку к носу и попыталась остановить кровь. Следующий лабиринт я прошла достаточно быстро. Жизнь не удлинила, пользы не добавила, но мне это было уже совершенно безразлично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.